

Мой мужчина

Автор:

Джоанна Линдсей

Мой мужчина

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа

Сестры-близнецы Аманда и Мэриан Лейтон переезжают на техасское ранчо тетушки, еще не подозревая, что там, на Западе, они неожиданно станут соперницами – и вступят в настоящую схватку за любовь веселого и смелого Чада Кинкейда. Кого же из двух красавиц, похожих, как две половинки яблока, предпочтет Кинкейд – обольстительную кокетку Аманду или тихую скромницу Мэриан? Выбор будет непростым...

Джоанна Линдсей

Мой мужчина

Роман

Johanna Lindsey

A man to call my own

© Johanna Lindsey, 2003

© Перевод. Е. С. Никитенко, 2016

Глава 1

Мортимера Лейтона хоронили рано утром, в городке Хейверхилл, штат Массачусетс, где он родился и прожил всю свою жизнь. Вообще говоря, городок был переименован в Хейверхилл только в 1870-м, а до этого назывался Пентакет, и тем не менее именно здесь прошла вся жизнь Мортимера Лейтона.

Его жена Рут покоилась на другом, более старом кладбище, где давно уже не осталось мест для захоронений. Она бы только порадовалась, если бы знала, что после смерти муж не окажется рядом с ней снова – она и при жизни не слишком любила его общество.

Медная табличка на памятнике гласила: «Здесь нашел вечное пристанище Мортимер Лейтон, любящий отец Аманды и Мэриан». Эпитафия была придумана Амандой, об этом можно было догадаться с первого взгляда: она была очень привязана к отцу, а тот, в свою очередь, обожал ее, щедро расточая дары, столь необходимые ребенку, чтобы знать, что он любим и желанен. Что касается Мэриан, она без колебаний вычеркнула бы слово «любящий».

Похороны были немногочисленными и удручающе унылыми, как любые похороны на свете, невзирая на разгар весны и на то, что земля вокруг свежей могилы была вся в цветах. Кроме дочерей покойного, пастора и деловых партнеров, явилась только горстка слуг.

Все шло на удивление чинно. Никто ни разу не прервал заупокойную молитву ни горькими рыданиями, ни даже громким всхлипыванием – не то что на похоронах Рут, когда Мэриан, забыв приличия, разрыдалась взахлеб (смерть матери означала для нее утрату единственного близкого человека). В этот день рыдать следовало бы Аманде, которая была любимицей отца с первого дня ее жизни. Однако с тех пор как сестры узнали, что их отец погиб, упав под поезд, когда переходил из одного вагона в другой, на обратном пути из Чикаго, куда ездил по делам, Аманда не проронила ни единой слезинки.

Прислуга перешептывалась, что молодая хозяйка, должно быть, в глубоком шоке. Мэриан могла бы согласиться с этим, вот только Аманда и не думала отрицать тот факт, что отца больше нет. Она говорила об этом спокойно, как о незначительном повседневном событии. Если это и был шок, то неизвестный науке, а скорее всего дело было в том, что Аманда интересовалась только собой и тем, как изменится ее жизнь. Вот и теперь ее больше интересовали последствия отцовской смерти, чем сам ее факт.

Это была достойная дочь своего отца. Мортимер был способен на одну-единственную любовь, и любовью этой стала Аманда. Мэриан поняла это в очень раннем возрасте и постепенно утратила всякую надежду на перемены. Никогда, ни единым словом или взглядом отец не дал понять, что такие перемены возможны.

Мортимер Лейтон не любил свою жену. Это был брак по расчету, союз двух людей, у которых был общий очаг, общая крыша над головой и кое-какие общие интересы. Но не любовь. Они уживались – и только. Родители отца умерли еще до рождения Мэриан, и она понятия не имела, был ли он к ним хоть сколько-нибудь привязан, а тетку едва помнила. Отец никогда не упоминал о ней и, как видно, не интересовался тем, что случилось с его единственной сестрой. Но Аманду он обожал, и в этом невозможно было усомниться. С самого ее рождения он носился с ней и баловал как только возможно. Из двоих дочерей он, казалось, видел только одну. Не то чтобы он пренебрегал нуждами Мэриан – вовсе нет. Как и Аманда, она ни в чем не знала недостатка. Все делилось поровну. Все, кроме любви и тепла.

Зная, как больно это ранит чувства Мэриан, Рут пыталась сгладить очевидное неравенство в обращении Мортимера с дочерьми. Отчасти это удавалось за счет того, что, любя обеих девочек, она уделяла Мэриан чуть больше внимания. К сожалению, это не укрылось от ревнивых глаз Аманды, которая предпочла бы присвоить всю родительскую любовь до последней капли. Между сестрами возникла брешь и ширилась до тех пор, пока не стала незаполнимой. Да ее и нечем было заполнить – сестры в буквальном смысле ненавидели друг друга.

Разумеется, детская ревность не длится вечно. С годами она уходит в прошлое, проступки бывают прощены, а обиды забыты. Но если ребенка балуют и дальше, если портят его сверх всякой меры, он так никогда и не перерастет детские недостатки. Из Аманды Лейтон сформировалась личность, мягко выражаясь, неприятная.

Аманда привыкла обижать людей. Это было для нее столь же естественно, как дыхание. Она просто не могла понять, что чувства есть не только у нее самой, но и у других, и что эти чувства можно задеть. Ей в голову не приходило извиниться, за нее это делала Мэриан – и вовсе не потому, что чувствовала себя ответственной за поступки сестры, просто не могла иначе. Так было в детстве, так осталось в юности.

Ни у одной из сестер не было подруг. У Аманды – потому, что она в них не нуждалась (ей вполне хватало отца, заменившего ей всех друзей на свете). Мэриан всегда мечтала о подруге, но рано отказалась от попыток с кем-то сблизиться, потому что сестра обращала других девочек в бегство, доводя их до слез. Кончилось тем, что дети стали сторониться Мэриан, как зачумленной, из страха стать мишенью злобных нападок Аманды.

Время шло, сестры выросли. Когда обе вступили в подходящий для замужества возраст, в дом Лейтонов зачастили поклонники, отчасти привлеченные размерами состояния Мортимера, отчасти внешностью Аманды, которая слыла одной из красивейших невест города. Она и не думала отвергать ухаживания, потому что от лести расцветала, как роза. Само собой, лесть принималась не от каждого. Если поклонник казался Аманде недостойным внимания, она унижала и оскорбляла его до тех пор, пока не отваживала от дома. Мало-помалу вокруг нее образовался кружок постоянных воздыхателей. Целый год она позволяла им яростно соперничать, никому не выказывая предпочтения, но и не охлаждая ничьего пыла. Она выжидала, чтобы решить, за кого из них она бы хотела выйти замуж.

Мэриан отчаянно желала, чтобы сестра поскорее сделала выбор и уехала – куда угодно, лишь бы подальше. Тогда и ей, быть может, выпал бы шанс устроить свою жизнь. Но пока оставалось держаться в тени, зная, что малейший знак внимания к ней дорого обойдется мужчине. Никто не смел пренебрегать Амандой ради Мэриан. Такое случалось дважды, и она хорошо усвоила тот урок. Ей больше не хотелось быть свидетельницей того, как Аманда оскорбляет молодого человека только за то, что он уделяет внимание Мэриан.

Однако чтобы держаться в тени, приходилось как следует потрудиться. Как все близнецы, Мэриан и Аманда были поразительно похожи. Замаскировать это опасное сходство помогали унылые платья без единой оборки или ленточки и тугий узел волос на затылке, вполне способный изуродовать даже дряхлую

старушку, не то что девушку восемнадцати лет. Но основным средством превращения в кикимору были очки – не просто очки, а чудовищное приспособление из толстых линз в квадратной оправе. В таких очках глаза казались круглыми и выпуклыми, как у стрекозы, что производило странное и отталкивающее впечатление.

Сестры сидели в отцовском кабинете, слушая, как его поверенный читает завещание.

Аманда выглядела кокетливо даже в глубоком трауре. Ее черное платье с богатой отделкой из стекляруса и кружев было образчиком стиля (другого она не надела бы даже под страхом смерти) и подчеркивало фигуру лучше иного бального. Единственным, в чем Аманда пошла на некоторую уступку обстоятельствам, была прическа: из нее выбивалось меньше своенравных золотистых завитков.

Мэриан, наоборот, в черном казалась даже невзрачнее обычного. Простое платье совершенно скрадывало фигуру, беспощадно стянутые в узел волосы создавали странный эффект, словно все лицо состоит из одних очков. Если Аманда в трауре напоминала бабочку, то Мэриан – разве что мошку, и она на собственном опыте испытала, как нелегко приходится мошкам, пока бабочки порхают.

Кабинет казался совсем незнакомым помещением, хотя изменилась в нем только одна деталь: за столом сидел теперь отцовский поверенный и душеприказчик Альберт Бриджес. За долгие годы знакомства он стал почти что членом семьи и нередко оставался на ужин после обсуждения с Мортимером сложных деловых вопросов. Сестер он давно уже называл по именам, но в этот день обращался к каждой сугубо официально: «мисс Лейтон». Было заметно, что новая роль стесняет его.

Поначалу завещание не принесло никаких сюрпризов. Каждому из домашних слуг причиталось по небольшой денежной сумме, но все остальное имущество предстояло унаследовать Аманде и Мэриан, строго поровну. Отец и тут остался верен себе: он мог обделить любовью, но никак не материальными ценностями. Состояние заключалось в целом ряде предприятий, крупной недвижимости (как в городе, так и в других частях страны) и банковском счете таких размеров, которые не могли и присниться наследникам. Впрочем, как раз в этом не было

ничего удивительного. Сюрприз последовал к концу чтения.

– И наконец, – провозгласил Альберт, судорожным движением ослабив крахмальный ворот рубашки, – условие вступления в права наследства. Желая быть уверенным, что ни одна из его дочерей не попадется на удочку охотника за богатым приданым, Мортимер включил в завещание следующий пункт: вы получите наследство только после вступления в брак, а до той поры будете находиться под опекой его сестры, миссис Данн.

Мэриан покосилась на Аманду, но та лишь молча хмурилась, очевидно пытаясь осмыслить услышанное. Хорошо зная сестру, она приготвилась к бурной реакции, как и Альберт Бриджес, не сводивший с Аманды настороженного взгляда.

– Вам понятно то, что я сейчас изложил? – спросил он наконец.

– Вполне, – заверила Мэриан с улыбкой. – Полагаю, тетя Кэтлин не загорится желанием перевернуть свою жизнь с ног на голову только потому, что умер брат. Значит, нам придется к ней перебраться. Ведь верно?

– Верно. – Добряк Альберт не удержался от облегченного вздоха. – Знаю, знаю, это немного пугает. Не так-то просто отправиться в дальние края и оставить все, к чему привык. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Лично я нисколько не возражаю. В этом городе меня ничто не держит, поэтому... – начала Мэриан, и тут разразилась гроза.

Аманда вскочила так резко, что прическа дрогнула и на грудь свесилось сразу несколько длинных белокурых прядей. Яркие губы сжались в тонкую упрямую линию, глаза от возмущения засверкали, как сапфиры под лампой ювелира.

– Я не желаю даже обсуждать отъезд! Эта наша тетка наверняка живет в захолустье, в глуши, в забитой досками дыре! Не хватало еще тащиться на другой край земли!

– На другой край страны, – поправила Мэриан.

– Какая разница, все равно это глухомань!!! Там кругом дикари!

– Дикарей уже укротили, насколько мне известно.

– Замолчи! Говорю тебе, больше ни слова! – Аманда испепелила ее взглядом. – Можешь отправляться туда хоть сейчас и гнить в этом диком Техасе, а я остаюсь и... и... и выхожу замуж!

Альберт пытался вставить слово, но тщетно. Разъяренная Аманда вылетела за дверь. Стряпчий сокрушенно развел руками:

– Она ведь не выйдет замуж вот так, с бухты-барахты?

– Нет, конечно. Это просто угроза.

– Слава Богу, не то останется без наследства. По закону об опекунских правах миссис Данн должна одобрить ваш выбор.

– Если хотите, я приведу Аманду. Она все еще в доме, иначе он содрогнулся бы от хлопка входной двери.

– Я сам за ней схожу. – Стряпчий снова тяжело вздохнул. – Надо же наконец закончить чтение!

Он поднялся с места, но не успел сделать и шагу, как в дверь промаршировала Аманда, таща за собой Карла Райана, поклонника, который пользовался у нее наименьшим успехом, но которого она терпела, потому что он слыл в городе хорошей партией. Больше всего на свете Аманде нравилось отбивать поклонников у других девиц на выданье – она расцветала от женской зависти не хуже, чем от мужской лести.

Утром Карл Райан сопровождал их на кладбище. Погруженная в размышления о будущем, Аманда не придавала значения тому, что из всех искателей ее руки только этот явился с соболезнованиями. Мэриан знала причину: дверь их дома была в этот день закрыта для визитеров. Кто-то позаботился о том, чтобы сестры могли скорбеть в покое, и кто бы это ни был, она была от души благодарна, поскольку не выносила пустых фраз. Знай об этом Аманда, она бы

воспротивилась.

Что касается Карла, его спровадить не удалось. Он явился с дежурным визитом и о смерти Мортимера Лейтона узнал из первых рук. Вот как случилось, что он оказался вместе с родными и близкими на кладбище. По возвращении он выразил желание дождаться Аманду в гостиной, полагая, что она будет нуждаться в утешении. Он ее мало знал. В утешении нуждались те, кто бывал свидетелем ее вспышек.

– Ну вот, все в порядке! – с торжеством объявила Аманда. – Мы с мистером Райаном только что обручились. Надеюсь, теперь вопрос отъезда отпадет сам собой. Мэриан, – добавила она ехидно, – а тебе я помогу уложить вещи.

– Вот как, вы обручились? – Альберт покачал головой. – В таком случае мистеру Райану придется выехать в Техас за одобрением вашей тетушки. В противном случае брак с ним поставит крест на вашей доле наследства. Вы меня понимаете, мисс Лейтон? Одобрение опекуна является обязательным условием.

– Что?! Нет!!! Боже мой, Боже мой! Папа не мог так со мной поступить! Он знает, как я ненавижу поездки!

– Ну да, конечно! Он и умер только для того, чтобы создать тебе проблемы! – не выдержала Мэриан. – Пойми, он был уверен, что это случится еще не скоро, уже после того как ты обзаведешься мужем.

– Я с радостью поеду в Техас, – вставил Карл.

– Этого еще не хватало! – вспыхнула Аманда. – Вы что, не видите, как это меняет дело?

– Для меня ничего не изменилось. Я по-прежнему хочу на вас жениться.

Зная, чего ожидать, Мэриан попробовала вмешаться:

– Мистер Райан, вам сейчас лучше уйти. Это дело семейное, к тому же Аманда расстроена...

– Расстроена? – крикнула та. – Это слишком мягко сказано! А вы, Карл, и в самом деле идите домой. Единственная причина, по которой я могла за вас выйти, только что отпала!

Мэриан отвернулась, не желая видеть результат этих жестоких слов, но не настолько быстро, чтобы не заметить, как у бедняги Карла вытянулось лицо. А каким сияющим он вошел в комнату пару минут назад! Еще бы – ведь его заветное желание внезапно исполнилось. Бог знает почему, он и в самом деле хотел взять в жены эту бездушную куклу. Трудно сказать, сознавал ли он недостатки Аманды до этой минуты, но теперь они открылись ему во всей красе.

Провожая Карла взглядом, Мэриан думала: счастливчик, он даже не подозревает, какого ада избежал!

Глава 2

Это ранчо было маленьким по всем стандартам, а по техасским так и вовсе крохотным. Расположенное несколько к западу от Бразоса, оно охватывало не слишком крупный, но плодородный кусок земли и примерно четверть мили притока полноводной реки и именовалось «Желтая колючка». На его пастбищах паслось около тысячи голов скота. Могло бы пастись и больше, но хозяева никогда не претендовали на звание «королей скотоводства».

Теперь здесь осталась одна хозяйка. После смерти мужа Рыжая научилась неплохо управляться с делами, однако нельзя сказать, чтобы ранчо процветало. Одного хозяйского рвения мало, нужны еще опытные ковбои, а вот их-то как раз и не хватало.

В последнее время Рыжая подумывала махнуть на все рукой и избавиться от ранчо. После смерти хозяина большая часть работников взяла расчет и перебралась к тому, кто побогаче, и как она ни пыталась, найти стоящей замены им так и не удалось. Наниматься приходила одна зеленая молодежь – бродяги с востока, что слоняются с места на место в поисках непыльной работенки. Часть их ничего не смыслила в делах ранчо, остальные только тем и занимались, что били баклуши. Рыжая выбивалась из сил, стараясь втолковать азы этой разношерстной братии, но без особого успеха. Молодежь звала ее «мамашей»,

да и видела в ней что-то вроде второй матери, и хотя держалась уважительно, пропускала объяснения мимо ушей. Вполне возможно, им все заслоняла одна простенькая мысль: женщина, что с нее взять!

Рыжая уже была на грани того, чтобы дать объявление о продаже, когда на помощь явился Чад Кинкейд.

Она знала этого парня тысячу лет – это был единственный сын того самого «хозяина побогаче», что претендовал на титул скотопромышленного магната. Ранчо Стюарта Кинкейда славилось как самое крупное в округе, но он никогда не упускал случая еще немного расширить границы. Уж он-то первым постучался бы в дверь Рыжей, пройди только слух, что она собирается расстаться с «Желтой колючкой». К счастью, она еще только прикидывала, как за это взяться, если ничего другого не останется, и не заикалась о своих планах ни одной живой душе. С появлением Чада положение дел изменилось так резко, что Рыжая истово благодарила судьбу за особенно яростную грозу, из-за которой ему пришлось искать пристанища у нее на ранчо.

Было это три месяца назад. Зима почти кончилась, и вдруг разразилась непогода – да еще какая! Так уж вышло, что в тот самый день Чад сильно повздорил с отцом и ушел из дому, хлопнув дверью. Буря пригнала его к дверям Рыжей и так свирепствовала, что пришлось остаться на ночь. От природы наблюдательный, Чад быстро сообразил, что дела здесь не ладятся, и на другой день за завтраком вынудил хозяйку признать, что она выбивается из сил.

У Рыжей и в мыслях не было, что он вызовется помочь, но когда это случилось, приняла помощь с благодарностью. При всех своих недостатках Стюарт Кинкейд сумел вырастить отличного сына.

Будь Рыжая помоложе лет эдак на двадцать, она, быть может, влюбилась бы в Чада без памяти за одно то, что он для нее сделал. Но, во-первых, она годилась ему разве что в матери, а во-вторых, втайне любила его отца. Любовь, о которой не подозревал никто в целом свете, возникла в тот самый день, когда Стюарт Кинкейд заехал познакомиться с новыми соседями и одолжил им сотню голов скота, чтобы помочь встать на ноги.

Это был самый красивый мужчина, которого только довелось видеть Рыжей, а в тот день он еще и держался вполне дружески. Это позволило ему змеей вползти

в какой-то уголок сердца, и там он оставался все эти годы. Ни он сам, ни покойный муж Рыжей не имели об этом ни малейшего понятия, и хотя жена Стюарта давным-давно отошла в лучший мир, а не так давно овдовела и сама Рыжая, она ничего не собиралась менять в положении вещей. Не ей было заглядываться на этого высокого техасца. Он был слишком хорош для нее: богатый, все еще красивый, с сильным характером – мужчина из тех, что шутя покоряют любую, а Рыжая казалась себе всего лишь мышкой, если не серой, то рыжей. Ей и в молодости не удавалось кружить мужчинам головы, куда уж там в сорок лет!

Надо признать, Чад во многих отношениях пошел в отца, но хотя и отличался той же чисто мужской красотой, сердцеедом не был и, судя по всему, не находил в этом удовольствия. Горячий, но отходчивый, упрямый, но рассудительный, это был человек, на которого можно положиться, человек слова, который пройдет огонь и воду, лишь бы выполнить задуманное. Но самое главное, он с детства усвоил назубок все премудрости жизни и работы на ранчо. Единственный сын и наследник величайшего ранчero в округе, Чад в считанные дни вышколил желторотых птенцов Рыжей так, что дело пошло полным ходом. Он знал, когда похвалить, а когда выбрать, и умел подогреть чувство здорового соперничества. Вот у него эти юнцы готовы были учиться всегда и всему. Они внимали ему с открытым ртом и наперегонки бросались выполнять поручение.

Чад был ковбоем от Бога. Он словно родился с пониманием этого ремесла, оно было у него в крови. Вообще говоря, ему следовало бы завести свое собственное ранчо, но это могло привести к окончательному разрыву с отцом. Рыжая и не думала, что это всерьез входит в его намерения. Чад доказал свое, когда ушел из дому, и теперь выжидал, давая отцу время поразмыслить над ситуацией и принять его точку зрения.

Рыжая трезво смотрела на вещи. Три месяца – срок немалый. Чад скоро покинет ее: он либо уедет из этих мест, либо вернется домой и уладит отношения с отцом. Рыжая надеялась, что его уход не остановит хорошо смазанный механизм, в который превратилось ее ранчо. Самый старший из работников, Лонни, вполне мог бы занять его место, но ему не помешало бы еще два-три месяца хорошей тренировки. День за днем ей оставалось только гадать, пробудет ли Чад в «Желтой колючке» необходимое для этого время.

Может быть, и задержится. На прошлой неделе Рыжая подвернула ногу, не слишком серьезно, но упорно делала вид, что вывих сильно затрудняет ей

жизнь. Чад волновался за нее, и это придавало ей уверенности, что чудо-помощник задержится по крайней мере на какое-то время.

Глава 3

В этот день после ужина Рыжая подсела к Чаду на ступеньку крыльца, чтобы немного полюбоваться заходом солнца. Крыльцо было основательным, широким, да и весь дом был сработан на славу – когда-то муж Рыжей не пожалел усилий, обустрояясь на новом месте. Уроженцы восточной части страны, они привыкли к определенному уровню комфорта.

Уже через несколько лет после переезда дом обзавелся вторым этажом, где предполагалось разместить целую ораву ребятишек. Рыжая до сих пор не знала, кто из них двоих был виноват в том, что это осталось мечтой. Бог свидетель, они честно старались. С годами она привыкла утешать себя тем, что пути Господни неисповедимы.

Из-за угла (от домика, где жили ковбои) доносились негромкие мелодичные аккорды гитары. Парнишка по имени Руфус знал в гитаре толк, и это давно уже стало чем-то вроде ритуала – заканчивать рабочий день песнями под гитару. Рыжая всегда слушала их издали, поскольку, строго соблюдая приличия, сторонилась чисто мужской компании.

Чад, хотя и занимал койку рядом с другими, столовался в хозяйском доме, но никто не находил это странным, ведь он и сам был почти что владельцем ранчо. Никто не смотрел косо и на то, что вечерами он просиживал с Рыжей на ступеньках крыльца.

Это были своеобразные посиделки. Нередко за целый вечер между Чадом и Рыжей не бывало сказано ни слова. Жизнь на ранчо катилась ровно, работа шла гладко, поэтому то небольшое, что требовалось обсудить, обсуждалось за ужином, а вечер был для тихого созерцания и раздумий.

Вот и на этот раз Рыжая намеревалась провести время в молчании, но сдвинутые брови Чада и направление его взгляда подсказали ей, о чем он думает. Об отце.

Она и сама частенько вспоминала Стюарта и задавалась вопросом, известно ли ему, что сын обосновался в «Желтой колючке». Еще в самом начале работники получили приказ никогда не упоминать об этом в городке, сколько бы ни было выпито спиртного, но можно ведь проболтаться и ненароком, даже не заметив этого. К тому же поговаривали, что Стюарт пустил по следу сына лучших сыщиков штата.

Впрочем, и следа-то как такового не было – буря постаралась на славу. Никто не подозревал, что Чад Кинкейд пустил корни так близко от дома (по техасским понятиям, дверь в дверь), и уж тем более это не приходило в голову Стюарту. Но если Чад стал скучать по родному дому, она не будет пытаться удержать его от примирения с отцом. Они всегда были близки друг другу, пусть даже и не виделись долгое время.

– Скучаешь? – осторожно полюбопытствовала Рыжая.

– Вот еще! – буркнул Чад, заставив ее спрятать улыбку.

– Значит, домой пока не собираешься?

– Что вы называете домом? – Он усмехнулся с откровенным сарказмом. – Луэлла и ее мамаша превратили бы любой дом в балаган. Отец ни словом не обмолвился мне, что хочет устроить мой брак, просто пригласил эту парочку пожить у нас до свадьбы. До сих пор не могу поверить, что он на такое способен!

– Луэлла – милая девочка, – заметила Рыжая, чтобы как-то оправдать поступок Стюарта. – Я ее видела пару лет назад у вас на барбекю. По-моему, она прехорошенькая.

– Да будь она хоть королева красоты с последнего конкурса в Рио-Гранде! Речь не об этом.

– О том, что тебе ее навязали?

– Только отчасти. Главное, что в голове у нее нет ни унции мозгов, а если и есть, она ими не пользуется.

Рыжая не удержалась от смешка:

– Не могу судить – я не так долго с ней беседовала.

– Считайте, что вам повезло.

Рыжая сочла за лучшее прекратить разговор. Она была рада, что Чад не рвется домой, но вместе с тем ей было грустно, потому что и он сам, и его отец тяжело переживали разрыв. Если бы только Чад мог остаться при других обстоятельствах! Разумеется, она обойдется без его помощи, но будет скучать. Она не любила мужа, но он был все-таки хорошим другом, а с отъездом Чада одиночество вернется.

Небо уже приобрело алый оттенок, свойственный закату бескрайних равнин, когда появился всадник. Он летел галопом.

– Иди в дом, Чад! Это почтальон, спешит управиться до ночи. Тебе не стоит попадаться ему на глаза.

Когда дверь закрылась, Рыжая, прихрамывая, спустилась с крыльца встретить верхового.

– Привет, Уилл! Что-то ты сегодня припозднился.

– Да уж, мэм. Проклятая коняга потеряла подкову, пришлось заехать к кузнецу. Можно бы, конечно, подождать и до утра, но я подумал: вдруг что важное? – Не удосужившись спешиться, почтальон перегнулся с седла, протянул Рыжей конверт и тут же повернул коня, крикнув через плечо: – Доброй ночи, мэм, а меня и так заждались к ужину!

Выждав для приличия, Рыжая вернулась в дом и присела к столу, чтобы распечатать письмо. Чад, уже в шляпе, направился к дверям, но его остановило громкое: «Вот сукин сын!»

– Кто?

– Мой братец! Ему вздумалось окочуриться.

– А я и не знал, что у вас был брат.

– Лучше бы не было! Вот уж о ком не стоит плакать. Мы никогда не ладили... да что там говорить, мы друг друга терпеть не могли, не переносили на дух! Вот почему я не могу взять в толк то, что здесь написано.

– А именно?

– Что этот негодяй оставил мне своих девчонок! Он, видно, спятил! Не в моем возрасте начинать возиться с детьми!

– Может, у него не было другого выхода, – предположил Чад.

– Вот это похоже на правду. – Рыжая задумалась. – Других родственников не осталось. Была еще одна сестра, моя двойняшка, но ее давным-давно нет в живых.

– А как насчет материнской стороны?

– Насколько я помню, их мать была единственным ребенком в семье. – Рыжая вернулась к чтению. – Хм... так... так... похоже, мне придется снова просить тебя об услуге.

– Что?! – На лице молодого ковбоя отразился откровенный ужас. – Я никогда не занимался детьми! Я еще даже не женат!

– Успокойся! – Рыжая невольно рассмеялась. – Я не прошу тебя удочерять девчонок Мортимера. Нужно только съездить за ними в Галвестон. Судя по всему, они выехали в тот день, когда было отправлено письмо, и, если вспомнить, как медлительна почта, должны уже быть на месте. Я бы отправилась сама, но вот нога...

– В самом деле, с больной ногой негоже пускаться в дальний путь. Туда и обратно – неделя.

– Хорошо еще, что часть пути можно проехать по железной дороге, а часть – в дилижансе, не то все время пришлось бы ехать верхом. Значит, договорились? – Рыжая встрепенулась. – Боже мой, я совсем забыла! Ты же в бегах! Придется просить кого-то из ребят.

– Это ни к чему. Теперь уже не важно, если на меня наткнется какая-нибудь из ищеек отца. Может, даже и к лучшему. Я выеду с утра.

Глава 4

Предполагалось, что Аманда и Мэриан будут дожидаться тетю Кэтлин в Галвестоне (именно туда направлялась милая пожилая пара, которую Альберт Бриджес уговорил составить сестрам компанию). Однако Аманда, как обычно, настояла на своем.

От нее не было покоя всю дорогу. Да что там дорога – еще до отъезда она изводила всех жалобами на «ужасные перемены в судьбе», спешные сборы и грядущие испытания. Собираться в самом деле пришлось в спешке. Пароход отправлялся уже на другой день после похорон, а другого не ожидалось несколько месяцев, поэтому Альберт счел за лучшее взять билеты. Все время плавания Аманда брюзжала не переставая. Перспектива сойти на твердую землю немного подняла ей настроение, но толчея в порту раздосадовала больше прежнего.

Хотя наслаждаться путешествием в такой обстановке довольно трудно, Мэриан все же удалось получить немало новых впечатлений. Это было первое в ее жизни плавание. Напоенный солью морской воздух, влажное постельное белье, продуваемая ветром и иногда скользкая палуба, свежий бриз, а главное – качка, из-за которой надо было стараться ходить, не натыкаясь на предметы (то есть все то, что проклинала сестра), – все было ей в новинку.

Просто чудо, что капитан не приказал выбросить Аманду за борт (Мэриан однажды услышала, как он пробурчал себе под нос, что готов сделать это немедленно). Этого и не потребовалось: на четвертый день плавания Аманда вывалилась сама. Некоторое время она свисала с перил, зацепившись краем платья, взвизгивая каждый раз, как гребень волны окатывал нижние юбки.

Впоследствии она клялась, что ее столкнули – нелепое обвинение, хотя каждому на борту, возможно, не раз хотелось сделать это.

Для Мэриан в поведении сестры не было ничего удивительного. Аманда нисколько не преувеличила, сказав, что ненавидит всяческие путешествия и поездки, а поскольку она была не из тех, кто страдает в одиночку, ей хотелось, чтобы с ней вместе страдал и остальной мир. Избежать этого можно было только исключив ее из сферы своего внимания. За годы жизни бок о бок с сестрой Мэриан научилась «не слышать» свою сестру, когда та становилась особенно назойливой. Их попутчики тоже быстро научились этому искусству и к концу плавания лишь кивали и бормотали сочувственные междометия, пропуская нытье Аманды мимо ушей.

В Галвестоне Аманда заявила, что не намерена ждать и пустится в путь дальше на свой страх и риск. Милая пара могла бы предложить им кров, но не предложила – они не чаяли избавиться от этого кошмара в юбке. Формально сестрам не возбранялось путешествовать в одиночку. Элла Мей, горничная, была старше годами и сошла бы за дуэнью в глазах самого строгого моралиста. Тем не менее Мэриан сделала попытку отговорить сестру от поступка, который находила опрометчивым: они с тетей Кэтлин не знали друг друга в лицо и могли разминуться в пути, а кроме того, даже толком не знали, куда им направляться. Аманда возразила, что тетя Кэтлин, должно быть, еще не получила письмо и ждать здесь – только тратить время понапрасну. Кто знает, как ходит почта в таком захолустье.

Мэриан и не надеялась убедить сестру. Для Аманды имело смысл только ее собственное мнение, она ни с кем не считалась. Если впоследствии оппонент оказывался прав, это дела не меняло.

И вот три дня спустя сестры застряли в крохотном городке где-то на полдороге к цели. К этому привела цепь неожиданностей и просчетов, но основной причиной оставалось упрямство Аманды. Разумеется, сама она так не считала. Просто против нее сговорился целый мир.

В то время как повсеместно самым быстрым средством передвижения давно уже стала железная дорога, Техас еще только начинал обзаводиться такого рода транспортными артериями (как раз поэтому добираться до его границ пришлось пароходом). Единственная железнодорожная линия шла с юга на северо-запад, к центру штата, от нее ответвлялось несколько линий местного значения. По

одной из них можно было подобраться довольно близко к месту назначения, но банда грабителей помешала сестрам достигнуть конечной станции.

В глазах Мэриан это было захватывающее приключение, о котором можно будет рассказывать детям и внукам, если таковые появятся. Конечно, и ей было немного страшно, когда поезд вдруг резко замедлил ход под истошный визг тормозов и четверо бандитов в масках ворвались в пассажирский вагон, размахивая оружием. Мэриан они показались чересчур нервными для такого рода занятий, но в конце концов, что она знала о ремесле грабителя?

Двое из четверки встали у дверей, остальные пошли по проходу между сиденьями, громко требуя отдать им все ценное. Большую часть своих средств Мэриан укрыла среди вещей в сундуках и при себе имела только совсем небольшую сумму, с которой рассталась без особых сожалений. Аманда, напротив, все свои деньги везла в сумочке и, когда ту рванули из рук, завизжала, прижимая ее к груди.

Раздался выстрел. Трудно сказать, промахнулся стрелок намеренно или от нервозности, но пуля просвистела над головой Аманды. Очень возможно, что жар ее опалил кожу – во всяком случае, поскольку выстрел был почти в упор, лицо запачкало порохом. Аманда захлебнулась визгом, разжала руки и рухнула на сиденье. Грабитель сразу потерял к ней интерес. Сунув сумочку в мешок, он отправился дальше по проходу.

В результате ограбления денежные средства сестер уменьшились вдвое. Что еще хуже, Аманда наотрез отказалась продолжать путь поездом. Правда, ветка тянулась немногим дальше, но дилижанс, на который они пересели на ближайшей станции, двигался извилистым маршрутом и для начала направился в противоположную сторону, чтобы вернуться к ветке по широкой дуге.

Увы, этого так и не случилось. С самого начала поездки Аманда столько раз приставала к кучеру с разными глупостями, что он начал прикладываться к фляжке с дешевым виски и быстро напился до безобразия. Несколько поворотов не там и не туда – и дилижанс безнадежно заплутал. Два дня ушло на тщетные попытки вернуться на первоначальный маршрут.

Блуждания по проселочным дорогам сильно сказались на состоянии рессор. Удивительно, как дилижанс не развалился вконец. Еще более удивительно, что

кучер, разъяренный нескончаемым нытьем и упреками Аманды, просто не сбежал под покровом ночи, бросив пассажиров на произвол судьбы. В конце концов запах жаркого привел его на ферму, что ютилась в ложине, и там удалось разузнать дорогу до ближайшего населенного пункта.

В городке кучер, которого все равно выгнали бы с работы за расхлябанность и пьянство, все-таки сбежал, прихватив одну из шести лошадей. Остальных вместе с дилижансом он бросил как есть, даже не выпряженными. Пока он прилаживал седло, Аманда вопила, требуя объяснений и угрожая всевозможными карами. В воплях потерялась прощальная фраза: «Чтоб ты провалилась!» Уловил ее только тонкий слух Мэриан.

И вот теперь сестры были предоставлены самим себе в Богом забытой глуши, в городишке, где из четырнадцати строений только три еще оставались обитаемыми. Это был типичный случай краха далеко идущих планов. Некто купил землю, рассчитывая, что со временем здесь пройдет железнодорожная ветка и можно будет сколотить состояние. Но ветка прошла западнее, земля вконец обесценилась, а те, кто неосторожно завел здесь дело, постепенно перебирались ближе к цивилизации. Здания стояли заброшенные, пыльные и жутковатые.

Из тех, где еще теплилась какая-то жизнь, можно было отметить салун (его владелец приходился родней местному поставщику и потому имел возможность время от времени пополнять запасы), пекарню (благодаря трудно налаженным связям с соседней фермой) и ночлежку (перешедшую в разряд гостиницы с тех пор, как та прекратила свое существование).

Из немногочисленных обитателей городка ни один не имел понятия об управлении дилижансом, да и не желал иметь, так что это громоздкое средство передвижения так и осталось стоять, где было – перед гостиницей. Кто-то из жалости выпряг лошадей, но поскольку на конюшне давно уже не было ни клочка сена, им предоставили пастись за околицей, на заросшем чертополохом поле. Больше их участием никто не интересовался.

Это случилось уже после очередной выходки Аманды. Заглянув в комнату, предоставленную сестрам хозяйкой ночлежки, она ужаснулась. Она и не думала, что бывает подобная степень нищеты и убожества. Поскольку других мест для ночлега не было, она решила убраться из города немедленно, только чтобы не ночевать в этой ужасной комнате.

Мэриан тоже не пришла от комнаты в восторг. Единственная шаткая кровать была застлана бельем, изначально белым, но теперь серым от сырости. От него несло плесенью. В тонкой перегородке зияла дыра (похоже, пробитая ударом кулака), через которую был виден соседний «номер». Из комнаты пришлось прогнать старого шелудивого пса, и Мэриан могла бы поклясться, что коврик кишит блохами. Подозрительные пятна на полу дополняли общую картину.

И все же у них не было другого выхода, кроме как расположиться здесь на ночлег. Аманда понятия не имела о том, как держат вожжи, но даже если бы ей удалось сдвинуть дилижанс с места, страшно было даже подумать, чем кончится поездка.

Долгий спор, однако, ни к чему не привел, и пришлось полчаса наблюдать, как Аманда дергает вожжи и на чем свет стоит ругает лошадей. Все, кто еще оставался в городке, собрались на этот спектакль. Смешки скоро перешли в громкий смех. Когда наконец удалось выманить Аманду с облучка, она уселась на крыльце дуться, а Мэриан и Элла Мей провели остаток дня за уборкой предоставленной им комнаты. Совместные усилия сделали ее отчасти пригодной для ночлега.

Невозможно было сказать, сколько продлится вынужденное пребывание в городишке без названия. Расположенный в стороне от всех маршрутов, он так и не обзавелся телеграфом. Единственное седло увез кучер, купить другие было негде, и даже найдись они, никто не предлагал себя в качестве проводника, а пускаться в путь наудачу было слишком рискованно.

Ночью Аманда несколько раз будила Мэриан сетованиями на неудачное стечение обстоятельств, а та оставляла при себе резкости насчет того, кто во всем виноват. Во-первых, в упреках не было смысла, а во-вторых, Мэриан находила поворот судьбы довольно занятным и с надеждой смотрела в будущее. Пекарь заверил ее, что дилижансы на дороге не валяются, что это ценное имущество и кто-то непременно явится его востребовать. Все, что им было нужно, это набраться терпения и ждать.

Кроме прочего, Мэриан не сомневалась, что тетя Кэтлин ищет их сама или же послала кого-нибудь на их поиски. Она, должно быть, сердится на них за своеволие и порожденные этим проблемы, но Мэриан ни минуты не сомневалась, что их ищут и рано или поздно найдут. Единственное, что ее огорчало, – это

неудачное начало взаимоотношений с теткой.

Глава 5

Прошло четыре дня с тех пор, как сестры оказались в городке, которому вскоре предстояло совсем обезлюдеть. Интересных мужчин здесь давно уже не водилось, а следовательно, ревновать было не к кому, так что Мэриан перестала тщательно соблюдать ритуал превращения себя в уродину. Каким облегчением было смотреть поверх очков и четко видеть то, что обычно виделось расплывчатым! Порой она даже заходила так далеко, что вообще не вынимала очки из кармана.

Это была первая настоящая передышка за три года. Да-да, как раз три года назад Мэриан впервые наткнулась на эти чудовищные окуляры, примерила их и нашла перемены в своей внешности столь разительными, что в тот же день пожаловалась на близорукость и, как следствие, жестокую мигрень. Отец обычным своим рассеянным тоном посоветовал ей заказать подходящие очки. Мэриан так и сделала, и уже через месяц обзавелась тремя парами таких вот окуляров.

Она считала это самым большим своим достижением по части маскировки. Поначалу попытки изменить внешность ограничивались прической, но тугой узел волос лишь отчасти устранял сходство с сестрой. Позже, чтобы стушеваться рядом с Амандой, всегда одетой по последней моде и даже несколько крикливо, Мэриан перешла на унылую мешковатую одежду. Аманда начала пользоваться косметикой – Мэриан никогда к ней не прикасалась.

Однако все это не помогало сделать ее полностью неприглядной, а именно этого Мэриан и добивалась. Только мощные очки с их способностью придавать глазам выпученный вид принесли желанный эффект. Просто удивительно, как такая, казалось бы, незначительная деталь может изменить внешность женщины. Разумеется, она плохо видела в этих очках – все расплывалось перед глазами настолько, что она стала еще и неуклюжей: спотыкалась, ушибалась об углы и промахивалась, когда хотела взять какую-нибудь вещь. С тех пор мужчины старались избегать ее еще и из страха, что им отдавят ноги.

Стая бездомных собак, что кормилась объедками по задворкам, подняла истошный лай – кто-то решил наведаться в город или, может быть, заблудился. Поначалу Мэриан не придавала значения собачьей суматохе, полагая, что они испугнули какое-то мелкое животное. Она сидела на веранде давно уже заколоченной гостиницы, просматривая забытую на ступенях газету трехмесячной давности. День выдался удушливо жаркий, находиться в помещении было невозможно.

Немного погодя внимание Мэриан привлекло появление на пороге пекарни пекаря Эда Хардинга. Следом из своих дверей вышли владелец салуна, хозяйка ночлежки и те немногие, кто еще оставался в городке. Судя по всему, происходило что-то из ряда вон выходящее. Что-то, что стоило внимания.

Аманда дремала в дилижансе, куда перебралась накануне ночью, замученная блохами и духотой. В последнее время она вела себя тихо, не то потому, что исчерпала запас жалоб и упреков, не то потому, что от жары не ворочался язык.

Некоторое время пекарь молча смотрел из-под ладони в начало улицы, где зыбилось жаркое марево, потом подошел к Мэриан, и они оба стали вглядываться в даль, стараясь разглядеть незнакомца, ехавшего верхом по улице городка.

Всадник приближался к ним на крупном скаковом жеребце великолепных статей золотисто-рыжей масти, но с белоснежными гривой и хвостом. Из-за широких полей низко надвинутой шляпы трудно было составить впечатление о внешности незнакомца, но сложения он был крепкого – широкий в плечах и груди, уверенный в посадке. Что касается наряда, казалось, весь Техас предпочитал выцветшие рубахи, простые штаны и куртки, а также яркие шейные платки, которые при случае можно повязать на голову в виде банданы.

– Ковбой, – подытожил пекарь, завершив осмотр. – Не разбойник и не наемник, точно.

– Это почему? – удивилась Мэриан. – У него на каждом бедре по «кольту».

– Как у любого настоящего мужчины.

– Но у вас-то их нет!

– Я не любой, мисс.

Мэриан еще раз отметила, что в Техасе люди склонны делать странные замечания. Они также были неисчерпаемым источником разной полезной информации, поэтому она всячески поощряла словоохотливость Эда.

Собаки бросились за незнакомцем, по очереди вырываясь вперед и облаивая его из-под самых копыт лошади.

Он, в свою очередь, не обращал на них ни малейшего внимания. У дилижанса (тот так и возвышался среди улицы, как памятник незадачливости кучера) он остановил лошадь, мимолетно коснулся полей шляпы в знак приветствия Мэриан и обратился к Эду:

– Добрый день, мистер. Я ищу сестер Лейтон. Говорят, что дилижанс, на котором они выехали со станции, так и не объявился. Не он ли это?

– В самом деле, это он, – охотно подтвердил Эд. – Вы из дорожной службы?

– Нет, я здесь с поручением от их тетки. Должен доставить девчонок к ней на ранчо.

– Не очень-то вы торопились! – слышалось из дилижанса.

Дверца распахнулась, и из сумеречной глубины появилась Аманда, по обыкновению раздраженная. Незнакомец автоматически коснулся полей в знак приветствия, но потом сдвинул шляпу на затылок.

– А что, мэм, девчонки много шалят? – осведомился он.

Аманда захлопала глазами и впервые на памяти Мэриан не нашлась, что сказать. Сама Мэриан пропустила вопрос мимо ушей. Открывшееся взгляду лицо было настолько привлекательным – более того, красивым, – что она уставилась на него во все глаза.

Этот человек следил за собой: даже с дороги он был гладко выбрит, а небольшие аккуратные усики выглядели тщательно подстриженными. Еще раньше Мэриан отметила, что у всех техасцев загар начинается примерно посередине лба, как результат постоянного пребывания в низко надвинутой на лицо шляпе. У незнакомца весь лоб был одинаково бронзовым – он или дружил с солнцем, часто расхаживая с непокрытой головой, или был настолько смугл, что оно не обжигало кожи. В пользу последнего предположения говорили и волосы, жгуче-черные под шляпой и сероватые только на висках от дорожной пыли. Судя по завиткам на шее, они слегка кудрявились. Должно быть, он носил их зачесанными назад, но сейчас из-под шляпы падали две симметричные черные пряди. Брови под ними тоже были черными и густыми, а глаза – неожиданно серыми, цвета грозовых туч без малейшего намека на голубизну.

Разглядывая, Мэриан совсем забыла об очках, и они сползли на нос. Впрочем, с тем же успехом она могла вообще их снять – после небрежного приветствия незнакомец больше не обращал на нее внимания. Сперва он общался с Эдом, а потом, разумеется, уже не отрывал взгляда от Аманды.

Изнуренная жарой, основательно пропотевшая под мышками, с кое-как уложенными волосами, что местами прилипли к мокрым вискам и лбу, Аманда и теперь была достаточно хороша, чтобы на нее заглядеться. Неудивительно, что незнакомец не обратил внимания на ее раздраженный тон. Человек спокойного нрава, он терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

Сообразив, что бесцеремонно его разглядывает, Мэриан смутилась. Она судорожно подтолкнула очки к переносице, зачем-то пригладила тщательно стянутые в узел волосы и спряталась за газетой, как за веером.

Поначалу у нее и в мыслях не было вступать в разговор. Говорила обычно Аманда, а Мэриан помалкивала (еще один способ держаться в тени), но на сей раз сестра спросонья так долго собиралась с мыслями, что элементарная вежливость требовала прервать паузу. Непрестанный разноголосый лай придавал происходящему нечто комическое.

– Вы, должно быть, ожидали найти маленьких детей, – робко заметила Мэриан.

– Да уж, чтоб мне пропасть! – подтвердил незнакомец, едва удостоив ее взглядом.

Столь откровенное пренебрежение поначалу раздосадовало ее, но Мэриан тут же одернула себя. Ведь она сама прилагала все старания к тому, чтобы быть незаметной. На что ей внимание именно этого человека? Чем он хуже других, чтобы подставлять его под ливень издевок? Чем он лучше других, чтобы его интерес что-то значил для нее?

К счастью, Аманда наконец опомнилась настолько, чтобы надменно осведомиться:

– Кто вы такой?

– Чад Кинкейд, работник на ранчо вашей тетки.

Это был самый легкий и быстрый способ навсегда потерять всякий вес в глазах Аманды. Для нее существовала только одна категория мужчин: те, кто богаче ее по крайней мере вдвое. А уж человек подневольный и вовсе не стоил доброго слова.

Не удостоив его взглядом, Аманда перешла через узкую грязную дорожку от дилижанса к крыльцу гостиницы и укрылась в тени веранды. Чад Кинкейд собрался спешиться, но был остановлен приказным тоном ее голоса:

– Наш багаж, все семь сундуков, так и остался нераспакованным. Ну же, пошевеливайтесь, грузите! Чем скорее управитесь, тем скорее мы сможем покинуть эту жалкую пародию на город!

– И куда грузить? – не без иронии осведомился незнакомец, выпрямляясь в седле.

– В дилижанс, куда же еще?!

– Вы хотите ехать дальше дилижансом?

– А вы можете предложить что-то столь же вместительное? Повторяю, у нас семь сундуков багажа!

– Придется их бросить.

– Что?! Исключено!

С минуту незнакомец стоически выдерживал возмущенный взгляд, потом пожал плечами и отвел глаза. Мэриан пришло в голову, что он нашел проблему не стоящей препирательств. На всякий случай она решила в этом удостовериться:

– Так вы отвезете нас? Вы когда-нибудь правили дилижансом?

– Нет, мэм, но предполагаю, что это нетрудно. Надо только приноровиться. Кстати, а где лошади? Двери конюшни забиты досками.

– Здесь почти все забито досками, – с невольным вздохом ответила Мэриан. – А лошадей вы, надеюсь, еще найдете в поле за городом.

В следующий миг она – как, впрочем, и все остальные – вздрогнула от револьверного выстрела. Казалось, «кольт» сам собой впрыгнул из кобуры в руку Чада Кинкейда. Собаки, так и не переставшие лаять и сильно затруднявшие разговор, сразу разбежались, зато Аманда, взвизгнув от неожиданности, возмутилась:

– Зачем вам это понадобилось?!

– Удовольствия ради, мэм, – ответил Чад, с ленивой усмешкой сдвинув шляпу на затылок, – удовольствия ради.

Он спрятал «кольт» в кобуру и тронул жеребца к началу единственной улицы города.

Глава 6

– Наглец несносный! – буркнула Аманда и пошла укладывать дорожный баул, который один был частично распакован.

Чад Кинкейд скрылся из виду, ни разу не оглянувшись, но, судя по всему, у нее и в мыслях не было, что он не собирается возвращаться – для этого она слишком много о себе мнила.

Не такая самонадеянная, как сестра, Мэриан предпочла убедиться, что Чад поехал именно за лошадьми, а не назад на ранчо. Она обошла гостиницу и, притаившись за углом, следила за одиноким всадником. Когда он повернул с дороги в поле, у нее вырвался вздох облегчения.

Лошади, все пять, еще паслись там, каждая сама по себе. Четыре из них послушно сбились в группу под окрики Чада, но пятая, словно одичав за три дня свободы, поскакала прочь. Тогда он снял с луки седла моток веревки со свободной петлей на конце, раскрутил ее над головой и с поразительной ловкостью набросил на лошадиную шею. От рывка петля затянулась, лошади пришлось остановиться.

Мэриан и раньше слышала о таких фокусах и даже знала, что веревка с петлей называется «лассо», но никогда не видела, как ею пользуются. Судя по всему, пекарь Эд был прав, когда назвал Чада Кинкейда ковбоем. Ковбоя Мэриан тоже видела впервые, и ей пришло в голову, что из человека, привычного к долгим переходам и знакомого с местностью, выйдет отличный провожатый.

Вот только внешность...

Любой мало-мальски привлекательный мужчина считал своим долгом приударить за Амандой, наивно полагая, что внешность дает ему дополнительный шанс. Разве можно пропустить такую красотку, даже не попытавшись вызвать в ней ответный интерес? При малейшем поощрении ухажер готов был ждать до бесконечности. К тому, в ком она видела потенциального супруга, Аманда умела повернуться своей лучшей стороной, так что он даже не подозревал, по какой мегере вздыхает.

Правда, при всей своей красоте Чад Кинкейд не имел никакого права претендовать на роль кандидата в супруги, и можно было надеяться, что Аманда не удостоит его внимания. Можно ли? Когда их проблемы решатся, она остынет, расслабится и захочет немного поразвлечься, а заодно поупражняться в искусстве обольщения. Тогда исход ясен: Чад по уши влюбится, и очень скоро сердце его будет разбито.

С другой стороны, как же Аманда остынет, если их повезут на ранчо в Богом забытой глуши, а не домой в Хейверхилл? Наверняка она поставила себе целью отравлять всем жизнь, пока тетка не потеряет терпение и не отправит ее назад. Им всем придется нелегко. На ранчо не так уж много народу, и каждый получит свое.

Мэриан тяжело вздохнула, вспомнив, как бесилась сестра первые дни после отъезда. Она заранее возненавидела и Техас, и ранчо, и тетку, которой, на ее несчастье, навязали это опекуновство. Чтобы возненавидеть, ей не нужно было личного знакомства. Но более всего ее бесило то, что она не может вступить в брак по собственному выбору. Сама мысль о том, чтобы получать чье-то разрешение на брак, вызвала в ней яростный протест.

Разумеется, отец во всем пошел бы у нее на поводу независимо от того, на кого пал бы выбор Аманды. Он всегда потакал ее прихотям. Тетка могла оказаться далеко не столь уступчивой и в первую очередь принять непрошеную ответственность всерьез (зная, что такое чувство долга, Мэриан верила, что и другие обладают этим качеством).

Что же дальше? Допустим, Чад Кинкейд быстро поймет, что собой представляет Аманда, а когда поймет, то не будет заинтригован кривляньем избалованной пустышки. Допустим, в женщине для него главное – душа. На этот случай надо держать свой арсенал начищенным до блеска: никогда не расставаться с очками, потуже стягивать волосы и прочее. Страшно представить, что будет, если Аманда поймет, что не она вызвала его интерес. Все, что угодно, только не это!

Мэриан вернулась в ночлежку, а по дороге попросила пекаря передать мистеру Кинкейду, что шестой лошадей упряжки воспользовался кучер и потому искать ее не стоит. Она могла бы предупредить Чада и сама, но Мэриан решила: чем меньше она будет обращаться к нему, тем лучше.

Поскольку у сестер для удобства был один дорожный несессер на двоих, укладка не заняла много времени. И даже вздумай они распаковать вещи, их негде было разместить: жильцу не полагалось ни шкафа, ни комода. Поэтому, как справедливо заметила Аманда, сундуки так и оставались запертыми. В двух находились вещи Мэриан, в одном (поменьше) – Эллы Мей, а остальные были

набиты имуществом Аманды, поскольку она наотрез отказалась расстаться с малейшей безделушкой, несмотря на то что дом оставался под надежным присмотром.

Покончив с укладкой, сестры вместе с горничной вернулись на веранду гостиницы и там ждали, пока Чад запряжет лошадей. Наблюдая за приготовлениями, Мэриан решила, что это самый подходящий момент навсегда убить в нем всякий росток возможного интереса. Чад возился со сбруей коренной лошади, когда она подошла к нему.

– Я тут подумала... а вы можете доказать, что действительно выполняете поручение нашей тетки?

– Иначе откуда я знаю о ее существовании? – буркнул Чад, не отрывая взгляда от ремней.

– В этом городке все знают, что мы недавно потеряли отца и направляемся к тетке на ранчо.

– Я приехал сюда час назад, на ваших глазах, – заметил он, поднимая на Мэриан сердитый взгляд.

– Но кто знает, не забредали ли вы сюда в эти три дня? Я не постоянно слежу за дорогой.

– То есть я пробрался в город под покровом ночи, вытащил из кровати кого-то из жителей и выведал у него, нет ли здесь пары-тройки молодых леди, которых можно похитить?

Это звучало на редкость нелепо, если не сказать больше. Мэриан внутренне передернулась. Ей следовало признать правоту Чада, но она не могла заставить себя вымолвить хоть одно слово. Да это уже было не нужно: ей удалось задеть будущего провожатого настолько, чтобы впредь он ее сторонился.

Неожиданно для Мэриан Чад вынул из кармана конверт, достал письмо, развернул и сунул ей под нос.

– Вот, мисс Лейтон! Я получил его от вашей тетки! В Галвестоне вас не оказалось, я навел справки и отправился в погоню. Вот почему я здесь.

Это было высказано тоном сдержанным, но холодным, и смысл слов сводился к тому, что поручение оказалось более хлопотным, чем предполагалось. Хотя вины Мэриан во всем этом не было никакой, она смутилась и вспыхнула. В свете услышанного ее недавний выпад казался особенно несправедливым. Тем не менее цель была достигнута: можно было не опасаться, что Чад окажет ей хоть малейший знак внимания сверх того, что абсолютно необходимо.

Это было то самое письмо, которое Альберт Бриджес отправил тете Кэтлин. Хотя она и раньше не сомневалась в словах Чада, пришлось сделать вид, что только столь весомое свидетельство вынуждает ее довериться ему.

– Что ж, – процедила Мэриан, демонстративно поправляя очки, – будем надеяться, что мы в надежных руках.

Она пошла прочь.

– В надежных? – бросил Чад ей вслед. – Вы в моих руках, мэм, а этого достаточно.

Что он хотел этим сказать?

Глава 7

Совсем не обязательно было так нахлестывать лошадей – до заката оставалось еще часов шесть, и они успели бы добраться до следующего населенного пункта даже самой неспешной рысцой. Но лошади застоялись, а Чад все еще был сердит, так что время дороги сократилось больше чем на час. В городке он сорвал зло на станционном смотрителе (тот не только хотел отвертеться от замены кучера, но и сделал попытку отобрать дилижанс под предлогом нехватки). Чад, совершенно уверенный, что за все пережитое сестрам Лейтон полагается компенсация в виде бесплатной поездки до Трентона, устроил смотрителю такой разнос, что тот сделался совсем шелковым и в конце беседы

соглашался на все.

Дамам было предложено переночевать в гостинице. Поскольку наутро от них не последовало жалоб, Чад заключил, что ночлег оказался вполне сносным. Он уже усвоил, что по крайней мере одна из сестер с ходу выкладывает все свои претензии: насчет слишком быстрой езды, ухабов, неудобных сидений и прочего. Так как окошко было занавешено, он не знал, какая именно, но почти не сомневался, что так визжать может только кикимора в круглых очках, как две капли воды похожая на учительницу воскресной школы, которую он ненавидел в детстве всеми фибрами своей души.

На сон грядущий Чад пропустил в ближайшем салуне три стаканчика виски. Это помогло рассеять досаду на глупые нападки кикиморы, но не улучшило общего расположения духа. Он не был в восторге от того, что придется иметь дело с парой маленьких девчонок, но никак не ожидал, что ему повесят на шею ярмо в виде трех взрослых женщин. Надо было уточнить у Рыжей, о ком именно речь, так нет же, он понял слово «девчонки» буквально и, вместо того чтобы отказаться наотрез, взвалил на себя такую обузу. А что теперь? Теперь ничего не поделаешь. Взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Дети. С ними тоже морока, но в Техасе они по большей части рано взрослеют и шалить им просто некогда. А вот женщины есть женщины, какую ни возьми. От них того и жди неприятностей.

Даже странно, как это он раньше не сообразил, что придется иметь дело со взрослыми девицами – к примеру, на остановке дилижансов у железнодорожной ветки. Ведь можно же было догадаться, когда он услышал: «Девчонки брали билеты в страшной спешке», «эти сумасбродки и слушать не желали», «юные леди выскочили из вагона быстрее, чем потаскухи из церкви». Но нет, он вбил себе в голову, что это дети, и не желал воспринимать очевидное. То, что пассажиров было три, говорило ему лишь о том, что это девочки с гувернанткой. Ни на миг он не заподозрил, что одна из них может вызвать в нем чисто мужской интерес.

Впрочем, что значит «может»! Эта Аманда хороша, как картинка. Не просто блондинка, а того роскошного оттенка, что превращает локоны в чистое золото. Этих локонов у нее целая копна, и обрамляют они личико таких совершенных очертаний, что век бы смотрел и не насмотрелся. Дерзко вздернутый носик, розы на щеках, кроткая линия подбородка и самые сладкие на вид губки, какие

только можно вообразить. А глаза! Как два сапфира в бахrome густых черных ресниц. Вообще-то отпечаток этих ресниц остался на веках, так что можно предположить, что от природы они не столь черны, и все равно в таких глазах хочется утонуть.

И Господи Боже, как будто всего этого мало! Ей досталась фигура, при виде которой и выдавший виды ковбой пустил бы слюнки: полные груди, тонкая талия, округлые бедра – само совершенство! Более того, она не из высоченных, а как раз того роста, который придает мужчине уверенности в себе.

Ее придирки при первой встрече можно понять: девушка неожиданно оказалась в жутком захолустье, без всяких удобств, к которым она, без сомнения, привыкла. И это не говоря о пережитом в поезде. Изнеженной леди вроде нее Запад и впрямь мог показаться диким. Еще до знакомства с ним она уже натерпелась всякого. Надо бы как-то воздать ей за это. Меньшее, что он может сделать, это благополучно доставить Аманду Лейтон в «Желтую колючку» без дальнейших неприятностей.

Что до сестрицы, кикиморы в круглых очках (как еще назвать женщину, способную водрузить себе на нос подобное устройство?), она вообще не стоит внимания, тем более чисто мужского. После тех дурацких нападков пусть не рассчитывает на его галантность.

Сестры, кто бы мог подумать! Похожи одна на другую не больше, чем ночь и день. Если не знать, то и в голову не придет, что они вообще состоят в кровном родстве. Только и общего, что цвет волос и глаз.

Эта Мэриан, должно быть, гораздо старше. Никто не берет ее замуж, вот она и бесится. Боится остаться старой девой – и правильно боится. Если стянуть волосы еще самую малость туже, глаза совсем выскочат из орбит. А как топают! Ни дать ни взять пьяный ковбой. Что до платья, на такое согласилось бы не всякое огородное пугало!

Вообще-то она могла немного приукрасить себя, если бы захотела. Но в этих очках с глазами навекате все бесполезно. Когда такая девица обращает свой взор в сторону мужчины, тот бежит от нее как можно быстрее. Мужской пол от таких шарахается. Надо бы держаться от нее подальше, чтобы как-нибудь ненароком не заинтересовалась!

Утром следующего дня дилижанс снова был в пути. Дамы не пришли в восторг от такого раннего выезда, но очередная станция была довольно далеко, и, чтобы попасть туда до ночи, следовало торопиться. К счастью, теперь они двигались по обычному маршруту, на котором встречались дополнительные перевалочные пункты, где можно поменять лошадей и подкрепиться. В отсутствие таковых был шанс передохнуть у гостеприимных хозяев.

Новый кучер оказался на редкость флегматичным субъектом. Судя по всему, его не волновало ничто на свете. Он никогда не бывал в окрестностях Трентона – ну и что? Не найдется, где пообедать, – подумаешь! Грузный, рано поседевший, он тем не менее был кучер со стажем и отлично управлялся с лошадьми.

Два дня дороги прошли довольно безмятежно, а на третий Чад опять испытал на себе отвратительный нрав старой девы.

В полдень остановились на обед на одной из самых комфортабельных станций маршрута: с новой конюшней, настоящим рестораном, универсальным магазином и гостиницей на случай непогоды (погода, кстати, не оставляла желать лучшего, разве что становилась все прохладнее по мере продвижения на север). Пока пассажиры обедали, на конюшне меняли упряжку. В самый последний момент выяснилось, что у одной из лошадей свежей шестерки вот-вот отвалится подкова. Ее снова выпрягли и отвели перековать, а поскольку на станции имелась только одна сменная упряжка, пришлось ждать.

В прошедшие дни Чад старался держаться как можно более официально – он опасался всерьез увлечься Амандой Лейтон. Той явно было не до него: поездка в дилижансе со всей ее тряской, духотой и общим дискомфортом не способствовала романтическому настроению. Чад решил дождаться, пока Аманда обустроится на новом месте, – тогда он подумает, дать увлечению расцвести или подавить его. Вот почему он ел в обществе кучера и ехал либо с ним на облучке, либо верхом, целиком предоставляя дилижанс в распоряжение дам.

К тому времени, когда лошадь повели на кузницу, Аманда с горничной уже успели занять свои места и предпочли дожидаться в дилижансе. Мэриан заходила в магазин за какими-то покупками, задержалась там и вернулась бегом. На полном ходу выскочив из-за угла, она налетела на Чада. Он не придал

этому никакого значения, потому что уже успел познакомиться с из ряда вон выходящей неуклюжестью Мэриан, но она, бог знает почему, вся вспыхнула и принялась извиняться, а потом без всякого перехода набросилась на него с обвинениями:

– Вы собирались сделать мне подножку! Собирались, я по глазам вижу! И не в первый раз! Помните, вчера из-за вас я тоже чуть не упала! Могу поклясться, что в детстве это было ваше главное развлечение! Может, вы и били тех, кто послабее? Я бы ничуть не удивилась!

Сказать, что Чад был удивлен, – значит ничего не сказать. Он потерял дар речи. Во-первых, обвинения были совершенно не по адресу: виной всему была злосчастная неуклюжесть самой мисс Лейтон. Во-вторых, в детстве Чад был защитником слабых, а никак не обидчиком. Он стоял, хлопая глазами, пока старая дева не выдернула у него из-под ноги край своей юбки с таким безразличным видом, словно он осквернил ее.

Когда она отвернулась, чтобы гордо удалиться, Чад наконец очнулся от столбняка. Хорошая встряска – вот что ей было нужно! Но он сдержался – и правильно сделал. Нелепые идеи, пришедшие ей в голову, не заслуживали того, чтобы он тратил на них свое время. Жаль только, что он все-таки потратил это время, размышляя о том, с чего она так разъярилась.

Примерно два часа спустя дилижанс был остановлен дорожными грабителями, понятия не имевшими о том, до чего это неподходящий момент. Их было двое, и каждый сжимал в обеих руках по револьверу. Один едва ли стоил внимания – совсем зеленый паренек или даже девчонка, тощий и нескладный подросток. Зато другой (вне всякого сомнения, главарь) был настоящий громила. Именно он отдал приказ сложить оружие и отдать все ценное.

Чад, два часа не слезавший с облучка и все еще сильно рассерженный, даже не подумал послушаться в отличие от Уилла, который немедленно подчинился. Как всякий кучер на большой дороге, он постоянно имел дело с разбойниками, а за работу получал не так много, чтобы рисковать жизнью ради содержимого чужих карманов. Вообще говоря, Чад тоже предпочитал не связываться с теми, кто палит по поводу и без повода, но воспоминания о несправедливых нападках старой девы все еще жгли ему сердце.

Поскольку винтовка была под рукой, он в мгновение ока вскинул ее на изготовку.

– Вот что, ребята. Я не в настроении, и если у вас в голове мозги, а не коровьи лепешки, вы уберетесь подобру-поздорову без дальнейших пререканий. Если буду стрелять, то не для острастки, ясно? Даю минуту на размышление и две на то, чтобы духу вашего здесь не было!

Перестрелка могла начаться с минуты на минуту. Тот, кто грабит на большой дороге, привычен к риску, да и численный перевес был явно на стороне разбойников. Само собой, они не могли знать, кто еще скрывается за дверцами дилижанса и как много стволов целится в них в эту минуту, но, судя по кротости и услужливости кучера, пассажиры не представляли серьезной угрозы. Таким образом, оставался только Чад с его винтовкой, одной против четырех револьверов.

С другой стороны, винтовка в руках опытного стрелка стоит целого арсенала в неопытных. Вопрос сводился к тому, кто ловчее и быстрее привык управляться с оружием.

Разбойники заколебались. Последовал быстрый обмен мнениями, густо перемежаемый руганью. Чад терпеливо ждал, в глубине души надеясь, что до перестрелки все же не дойдет. Что касается здоровья, то Чад ни минуты бы не колебался пустить пулю в лоб этому наглецу, но ему вовсе не хотелось стрелять в мальчишку или девчонку, кем бы ни был этот ребенок.

Увы, все кончилось тем, что парнишка (или девчонка, не важно) удрал в кусты, откуда слышалось фыркание привязанных лошадей. Громила отступал медленно, с определенным достоинством, но и он в конце концов скрылся из виду.

Чад опустил винтовку только тогда, когда затих торопливый стук копыт.

– Ну и сглупил ты, приятель! – ворчливо заметил Уилл, засовывая свой «кольт» назад в кобуру. – Надо было отдать им деньги. А если бы в кустах сидела целая банда? Обычно так и бывает.

– Значит, сегодня необычный день, – ответил Чад, пожав плечами.

– Но ты не мог этого знать! – настаивал кучер. – Чистой воды везение, что разбойников оказалось только двое. Однажды мне довелось видеть, как дилижанс просто изрешетили, и в том числе отстрелили одно колесо! Я тогда чудом остался в живых, так-то вот, приятель. Между прочим, нас остановили тогда как раз два грабителя, а банда была из десяти.

– По-моему, эта работа не для тебя, – заметил Чад.

– Я бы давно взялся за другую, да пока не подвернулась, – хмыкнул Уилл, остывая. – А ты вот что, давай перестань горячиться, иначе нам всем по твоей вине продырявят головы!

Чад не стал отвечать колкостью, понимая, что кучер по-своему прав. Зато он не смолчал, когда кое-кто другой попробовал высказаться в том же духе.

– Вы что, совсем спятили?! – закричала старая дева, показывая в окошко свое красное от возмущения лицо. – Подвергать нас такому риску, и ради чего! Ради каких-то чемоданов с тряпками и денег! Как будто человеческая жизнь не дороже их во сто крат!

Ну, отлично! Он совершает геройский поступок, а она снова выливает на него ведро помоев! Кикимора уже стояла на подножке, и Чаду не составило труда выволочь ее наружу за локоть.

– Еще один такой припадок – и я буду трясти вас, пока не вытрясу всю душу! Клянусь, я это сделаю! Советую запомнить, что я никогда не ввязываюсь в ситуацию, с которой не справлюсь. Винтовка при мне, стрелок я меткий, так что нечего обвинять меня черт знает в чем! Что с вами такое, скажите на милость? Только и знаете, что цепляетесь ко мне то с тем, то с другим! Учитесь, черт возьми, держать рот на замке!

Оттолкнув старую деву, Чад пошел убедиться, что с ее сестрой все в порядке. Должно быть, она все еще напугана и нуждается в утешении. Но, заглянув внутрь дилижанса, он встретил только холодный взгляд горничной (казалось, что ничто на свете не могло взволновать горничную сестер Лейтон). Аманда Лейтон безмятежно спала – что за чудесное создание!

Глава 8

Мэриан пребывала в крайнем унынии. Она не привыкла так часто оказываться в дураках, да еще по собственной воле. Обычно, когда на горизонте появлялся мужчина, пригодный на роль поклонника или хотя бы друга, достаточно было произвести на него общее неблагоприятное впечатление, чтобы тот отказался от дальнейшего знакомства.

Это была ее безотказная тактика: с самого начала не дать сестре повод к ревности. И она пользовалась этим приемом так долго и часто, что делала это почти автоматически.

Вот почему Мэриан старалась всеми силами оттолкнуть Чада с первого дня знакомства. Поэтому вместо благодарности за терпеливые поиски заклеила его как возможного похитителя. Замысел удался. Оскорбленный в лучших чувствах, Чад с той минуты всячески ее избегал. И все бы хорошо, вот только Мэриан не учла собственных чувств.

Что там скрывать, Чад ей нравился. Даже слишком. Настолько, что взлелеянная в нем неприязнь не остудила ее первоначального интереса. Мэриан все чаще замечала, что напрягает слух в попытках уловить звук его голоса и тайком бросает в окошко взгляды в надежде увидеть его верхом. Это было неразумно – более того, опасно, – но совладать с собой она не могла.

К счастью, Аманда, всецело поглощенная неудобствами путешествия, ничего не замечала. Но если бы она догадалась о том, что Мэриан равнодушна к Чаду, она бы сделала все, чтобы завоевать его – не для того, чтобы связать с ним свою жизнь, а лишь для того, чтобы навредить Мэриан.

Зато Мэриан могла теперь не утруждаться, подогревая неприязнь Чада. Он и без того смотрел мимо нее. Зачем же она продолжала устраивать сцены, одна другой нелепее? Не ему, а себе она хотела доказать, что сближение невозможно, что нет ни одного, даже самого малейшего шанса, что между ними может возникнуть хотя бы простая дружба. Будь у нее хоть капля надежды, кто знает, какой опрометчивый шаг она могла бы совершить? Нет, этому не бывать! Не ей соперничать с такой хищницей, как Аманда.

Если уж сестра останавливала на чем-то свой взгляд, она шла на все, чтобы заполучить желаемое. С мужчинами у нее был свой метод: переспать один раз, чтобы потом дразнить надеждой на продолжение. Она и не думала скрывать своих походов от Мэриан – как раз наоборот. Она давала ей понять, что поступит так же с любым мужчиной, к которому проявит интерес Мэриан. Оставалось надеяться, что брак заставит ее остепениться или хотя бы убраться с глаз долой.

Мэриан хорошо помнила сердечную боль тех минут и теперь, из страха, что история повторится, раз за разом выставляла себя в глупом свете. На станции, наткнувшись на Чада, она по привычке рассыпалась в извинениях, но вовремя прикусила язык. Убедить его в своей неуклюжести было мало, требовалось нечто более впечатляющее. Что больнее всего задевает хорошего человека? Обвинение в низости.

В тот момент это казалось удачной мыслью, но позже заставило устыдиться бедности собственного воображения. «Может, вы и били тех, кто послабее?» Нелепое обвинение, ни на чем не основанное и ничем не подкрепленное. Зато оно свидетельствует о ее растерянности.

Казалось бы, хуже не бывает. Как бы не так! Появляются разбойники, Чад встречает опасность лицом к лицу, а она от страха за его жизнь совсем лишается рассудка. Даже непонятно, что хуже: убедиться, что по уши влюблена, или сразу после этого в очередной раз оказаться в его глазах круглой душой.

Но и этим дело не кончилось. Судьба, должно быть, решила сыграть злую шутку – иначе почему именно в этот вечер им пришлось ужинать в компании Чада? Жар переливался в крови, то и дело бросаясь в лицо. От страха, что это заметят, аппетит у нее пропал без следа. Деревня была крохотная, с единственной таверной, где можно поужинать; свободный стол оставался один, повариха уже ушла домой, и нельзя было даже отсрочить ужин под каким-нибудь благовидным предлогом. Судя по мрачному лицу Чада, он тоже не был в восторге от создавшегося положения.

А все Аманда. Правда, за столом обошлось без обычного потока жалоб и упреков – она сладко проспала весь эпизод с ограблением и узнала о нем только задним числом. Теперь она находилась в более благодушном настроении, чем всегда, и выразилось это в упоенном кокетстве с каждым мужчиной, попадавшим в поле зрения.

Аманда флиртовала, Чад мрачнел, а Мэриан с трудом глотала пищу, почти не чувствуя вкуса. В ней бушевала такая буря эмоций, что разболелась голова. Одно дело воображать, пусть даже и в деталях, и совсем другое – быть свидетелем. Даже непробиваемый Уилл не остался равнодушен к чарам Аманды, а уж Чад тем более. Мэриан было так тошно, что хотелось сунуть два пальца в рот.

Голова болела все сильнее. Мэриан воспользовалась этим, чтобы уйти. Она отправилась спать голодная. Никто, кроме Эллы Мей, не услышал ее слов и не заметил ухода. Ее старания стать незаметной увенчались успехом. Лампа в коридоре жилого этажа догорела и потухла, но Мэриан удалось без приключений добраться до комнаты, выделенной им на троих с сестрой и горничной. Там тоже было темно. Она не стала зажигать огня. Распустив в темноте волосы и бросив очки на столик, а платье – прямо на пол, она свернулась в постели калачиком и предалась тоске.

У сильных чувств есть одно бесспорное достоинство – они опустошают не хуже тяжелой работы. Не прошло и четверти часа, как Мэриан уже спала (на что совершенно не надеялась). Долго ли, коротко ли продолжался этот сон, но он был прерван самым бесцеремонным образом – с нее сорвали одеяло вместе с простыней.

– Что за чертовщина! – воскликнул кто-то.

До сих пор Мэриан по ночам будила Аманда. В дороге они чаще всего делили одну кровать, и в таких случаях припозднившаяся сестра действовала бесцеремонно, так что в первую минуту Мэриан не понимала, что происходит. Однако голос был мужской, силуэт тоже. Узнав то и другое, она крикнула:

– Убирайтесь из моей комнаты!

– Нет уж, это вы убирайтесь, – сухо возразил Чад. – Комната моя, и постель, значит, тоже.

– О!

Мэриан залилась краской до корней волос – похоже, эта привычка быстро приживалась.

– Прошу прощения, я... – залепетала она.

– Не стоит, – оборвал Чад.

– Ну и тем лучше! – огрызнулась Мэриан, потом все же добавила: – Спокойной ночи.

К тому времени первый панический ужас миновал, и она сообразила кое-что весьма важное: Чад тоже не потрудился зажечь лампу, так что комната оставалась погруженной во тьму. Можно было спастись бегством, не разрушив тщательно создаваемого образа сварливой кикиморы. Только бы не споткнуться и не растянуться на полу!

План был хорош, поэтому Мэриан взялась приводить его в жизнь. Она никак не рассчитывала, что Чад чиркнет спичкой как раз тогда, когда она выберется из постели. Мэриан не осмелилась проверить, куда он смотрит: на лампу или на нее, – просто нагнула голову пониже и бросилась к двери. Она вылетела в коридор и с ходу врезалась в кучера Уилла. От неожиданности тот повалился навзничь. Мэриан даже не замедлила хода. Она бежала по коридору, благословляя темноту, которая скрывала густую малиновую краску у нее на щеках.

К счастью, нужная дверь была в двух шагах, и, к еще большему счастью, в комнате было пусто. Это означало, что не придется объяснять, откуда она возвращается в одном нижнем белье.

Глава 9

Уилл вошел, отряхивая одежду. Шляпа на нем сидела криво.

– Ах ты сукин сын! – благодушно воскликнул он. – Везет же некоторым! Это была она?

Чад, сидевший на постели, которую он вынужден был делить с кучером, поднял задумчивый взгляд.

– Кто «она»?

– Сам знаешь кто! Красавчик вроде тебя не стал бы размениваться ни на горничную, ни на серую мышку.

– Эй, придержи лошадей. Знаю, что ты себе возомнил, но было совсем не так. Она перепутала комнаты, только и всего. Почему, ты думаешь, она вылетела отсюда как ошпаренная? Кстати, ты ее разглядел?

– Не очень-то. Но по роскошной фигуре можно сразу понять, кто это был. И потом, наверняка из троих только одна носит тонкие сорочки и кружевные панталончики!

Чад поднялся, взял со столика очки и в задумчивости покрутил в руках.

– Все, что осталось от беглянки.

– Да ну? – удивился Уилл. – Ну, значит, под одеждой все женщины одинаковы! Хоть убей, не пойму, как можно свернуть столько волос в такой крохотный узелок. Я мог бы побиться об заклад, что по коридору убегает известная нам обоим золотая шевелюра!

Чад и сам не знал, что подумать. Неполадки со зрением или шулки мерцающего огонька лампы? У него было лишь несколько мгновений на то, чтобы разглядеть профиль беглянки, отчасти скрытый волосами. Он мог бы поклясться, что это Аманда, если бы пару минут назад, в полной темноте, не разговаривал с Мэриан.

Если бы еще он не повернулся ей вслед... но он повернулся, с лампой в руке, и свет заиграл на каскаде золотистых локонов. На беглянке была коротенькая (чуть ниже талии) воздушная сорочка и панталоны, не столько скрывавшие, сколько подчеркивавшие восхитительную округлость ягодиц и бедер и выставлявшие напоказ обольстительную нежность и белизну подколенных впадин. Точеные икры и лодыжки мелькнули, как сладкое видение, во тьме за порогом. И исчезли. Все эти прелести просто не могли принадлежать старой

деве в круглых очках. Все-таки это была Аманда.

Вот почему до появления Уилла Чад сидел на кровати в полном смятении, тщетно сопоставляя факты и не находя объяснения случившемуся. Очки являлись неоспоримым доказательством тому, чего просто не могло быть. Еще чуть погодя на полу обнаружилось бесформенное платье.

Итак, в его постель по ошибке забралась старая дева, в эту ночь совсем непохожая сама на себя. Словно по мановению волшебной палочки она стала точной копией своей прекрасной сестры. Но если они в самом деле настолько похожи, как ей удастся так менять свою внешность? Ведь днем она просто кикимора! При свете дня в них нет ни капли сходства... хотя, если хорошенько подумать, кое-какое сходство все-таки есть. Цвет волос и глаз, например. Мешковатая одежда отлично скрывает фигуру, а толстые очки могут изуродовать самые красивые глаза.

Чад повертел очки в руках. В жизни он не видел ничего более уродливого. Попытка глянуть через толстенные стекла заставила его содрогнуться: окружающее совершенно расплылось. Острая жалость к Мэриан заставила Чада вздохнуть. Бедняжка, должно быть, почти слепа – неудивительно, что ей пришлось обзавестись такими окулярами.

Жалость, однако, ушла так же быстро, как и нахлынула. Зрение зрением, а характер характером. Не будь очков, с тем же успехом мужчин отпугивала бы из ряда вон выходящая сварливость Мэриан. Кому нужна мегера? Да никому! Не больше, чем кикимора.

Хорошо, что она показала свою истинную суть в первый же день знакомства. Теперь между ними стена, и пусть оно так и остается. Он напомним ей об этом на случай, если она вздумает возомнить себе что-нибудь только потому, что побывала в его постели. Возвращая очки, он будет учтив, но холоден как лед.

Надо признать, Чад с нетерпением ждал этого момента. Он надеялся хоть отчасти разгадать загадку непостижимых перемен в Мэриан, увидев ее глаза без этой прозрачной брони. Но когда на другое утро он столкнулся с ней в коридоре, на носу у нее красовалось точно такое же устройство. Он просто не мог, не сумел заглянуть под маску с выпученными глазами и чопорно поджатыми губами. Нос Мэриан был надменно вздернут, подбородок вызывающе

торчал, а платье безнадежно скрывало фигуру.

В довершение ко всему она не дала ему времени на созерцание. Вся малиновая от смущения (несомненно, при мысли о ночной суматохе), она выхватила очки из рук Чада, буркнула что-то в знак благодарности и бросилась прочь. За завтраком она держала голову так низко, что виден был только пресловутый узел волос.

Несколько раз во время завтрака Чад испытывал сильное искушение окликнуть Мэриан, чтобы та вскинула голову, и стремительно сдернуть с нее очки. Разумеется, он этого не сделал, не желая в очередной раз стать мишенью для ее ядовитого язычка. И без того он со страхом представлял себе остаток пути. Когда же наконец можно будет спихнуть эту обузу на Рыжую?

Мысли об Аманде носили совсем иную окраску. Накануне за ужином она в конце концов удостоила его вниманием. Самое время – он уже начинал опасаться, что совершенно не в ее вкусе. Три прошедших дня она казалась погруженной в себя и мало интересовалась окружающим, а им в особенности. Это было что-то новое и до сих пор не испытанное. Обычно женский пол находил Чада вполне привлекательным, даже более того. Холодность Аманды интриговала больше любых авансов.

Что ж, еще несколько дней, и они будут в Трентоне, а там уже рукой подать до «Желтой колючки», где можно будет подумать о том, как вести себя дальше с красоткой Амандой.

Чад невольно улыбнулся. В эту минуту Мэриан совершенно исчезла у него из памяти. Он бы ничуть не огорчился, исчезни она и из его жизни.

Глава 10

Когда до Трентона остался всего один день пути, Чад начал ловить себя на мыслях об окончательном выяснении отношений с отцом. Готов ли он? Ведь именно это случится, если он объявится в Трентоне. Если не готов, не лучше ли исчезнуть из виду? «Желтая колючка», можно сказать, рядом. Уилл доберется и сам, если подробно объяснить дорогу.

Однако не может же он просто растаять в воздухе, не простившись с сестрами! Мэриан наверняка устроит сцену, и тогда чем это лучше объяснений с отцом? Нет уж, лучше отцовский гнев. За три месяца он должен был основательно поутихнуть. Не настолько, чтобы отец раскрыл объятия, но достаточно, чтобы согласился сесть и обсудить все спокойно, без крика. Ну а если этот упрямец опять возьмется за свое... ну... тогда посмотрим.

Рано или поздно Стюарт все равно узнает, что сын обретается поблизости, и вот тогда станет ясно, насколько он одержим жадой создать величайшую в штате скотоводческую империю. Не может быть, чтобы он был готов поставить на карту все, даже личное счастье сына.

* * *

Приближалось время ужина под крышей очередной провинциальной таверны (все они носили гордое звание отелей). Чад не успел проголодаться, поэтому отправился на поиски салуна.

Закат догорал – вскоре с небес на западе должны были исчезнуть последние багровые отблески. Все предвещало грозу, однако можно было надеяться, что она отгремит еще до рассвета.

Если бы Мэриан не шевельнулась, когда Чад пересекал веранду, он бы ее не заметил. Она стояла в самой тени, глядя на тяжелые свинцовые тучи, обложившие горизонт. Один мимолетный взгляд – и она снова отвернулась. Такое откровенное пренебрежение раздражало, но и устраивало: ему совсем не хотелось разговаривать с ней.

– Моя тетушка... что вы о ней скажете?

Чад вынужден был остановиться. Вопрос был задан с несвойственной Мэриан робостью. Жаль. Он уже привык отражать нападки, а вот просто беседовать с ней ему еще не приходилось. Как странно, что она расспрашивает постороннего о собственной родственнице.

– А вам зачем? – спросил он осторожно.

– У отца были маленькие странности, а она – его сестра.

– Ваш отец был крутого нрава?

– Скорее двойственного. Все зависит от того, кого вы о нем спросите. Аманда скажет, что это был добрейший и милейший человек во всем мире.

Мэриан слегка повернулась, чтобы хоть краем глаза видеть собеседника. Чад понял это иначе – она считает ниже своего достоинства посмотреть ему прямо в лицо.

– А что скажете вы? – любопытствовал он.

– Мне трудно поставить ему в вину что-то конкретное. Он был не из тех, к кому тянутся люди, – только и всего. Однако мы уклонились от темы.

– Вы плохо знаете свою тетку?

– Едва знаю, так точнее. Когда я была еще ребенком, она перебралась на Запад, и связь с ней оборвалась.

– Что ж, могу вас успокоить. Это чудесная женщина. Каждый, кто хоть немного с ней знаком, ее просто обожает.

– Правда?

Чаду вдруг показалось, что перед ним маленькая девочка, перепуганная предстоящим знакомством с чужой и взрослой женщиной. При всей своей неприязни к Мэриан он ощутил желание приободрить ее, дать ей то, чего она так жаждала, – уверенность в завтрашнем дне.

– Правда, правда! Ваша тетка добра и великодушна, порой даже в ущерб себе. Как говорится, отдаст последнюю рубашку тому, кто зябнет. Очень может быть, что и она сейчас с трепетом представляет первую встречу с племянницами. У нее ведь нет своих детей. Ну, не то чтобы вас можно было назвать ребенком...

Чаду вдруг живо представилось роскошное женское тело, едва прикрытое нижним бельем. Как, оказывается, это свежо в памяти! В самом деле, ребенком ее не назовешь.

– А мой... дядя? Я имею в виду ее мужа. Отец как-то упомянул, что причиной переезда было замужество.

Никому не хочется быть вестником печальных новостей, поэтому Чад замялся. Он находил в высшей степени странным такое полное отсутствие родственных связей. Надо же, не знает, что Рыжая овдовела еще год назад! Что им мешало поддерживать отношения? Это не каменный век, почта регулярно ходит даже между разными континентами. Если припомнить, и Рыжая никогда не упоминала о брате. А впрочем, Запад есть Запад. Здесь полно переселенцев, которые сожгли за собой все мосты. Кое-кто как раз за этим и перебирался на дикие земли – чтобы забыть.

Внезапно Чад понял, что сыт разговором по горло, и решил разом поставить на нем точку.

– Фрэнк Данн в прошлом году умер, и с тех пор ваша тетка хозяйничает на ранчо сама.

– Умер, вот как? Я не знала.

Поскольку Мэриан не стала ахать и охать, Чад решил уточнить:

– Вы его совсем не знали?

– Даже ни разу не видела. Помнится... помнится, я что-то такое слышала... – Она порылась в памяти. – Ах да! Мама вскользь заметила, что Кэтлин вышла замуж, лишь бы покинуть Хейверхилл. Помню еще, я истолковала это так, что тетя сгорала от желания повидать свет.

Или от желания убраться подальше от кого-то или чего-то. Чад, однако, не сказал этого вслух.

Все говорило о том, что брат и сестра не ладили. Это, кстати, отлично объясняло их полный разрыв после переезда Рыжей в Техас. Тем не менее после стольких лет она оказалась опекуной своих племянниц. Кровные узы крепче любой привязанности.

– Скоро у вас будет возможность узнать все из первых рук, – заметил Чад. – Завтра утром мы будем в Трентоне, а еще через день вечером – на ранчо.

Сказав это, он отчего-то вдруг остро ощутил, что беседует с женщиной, которая не так давно – пусть по ошибке – лежала у него в постели. От этой мысли он слегка покраснел. Вечерний мрак постепенно сгустился, и, хотя Чад все еще мог разглядеть ее, так как его глаза привыкли к темноте, очертания ее фигуры и лица потеряли четкость, и он на какое-то мгновение забыл, что разговаривает с дурнушкой, сестрой красавицы.

А в следующий миг разразился ливень такой силы, что брызги с крыльца фонтаном полетели на собеседников и загнали их внутрь. О прогулке можно было забыть. Вот тебе и уютный салун! В тесном вестибюле Мэриан поправила очки и без дальнейших слов удалилась. Она даже не пожелала ему спокойной ночи. Все вернулось на круги своя, и к лучшему. Куда легче, если нет нужды подстраиваться под чужое настроение.

Глава 11

Въезжая в Трентон на другой день после обеда, Чад попробовал посмотреть на него глазами постороннего – глазами Аманды. Это был типичный городок техасской глубинки, довольно большой по сравнению с теми, через которые им пришлось проезжать по дороге сюда. С тех пор как Стюарт Кинкейд обосновался в его окрестностях, Трентон разросся почти вдвое.

Главная улица сильно удлинилась: на два квартала вправо и на три влево. От нее ответвилась пара улиц поменьше, а городок все рос, невзирая на то что железнодорожной ветки к нему пока не планировалось – жители успешно обходились дилижансом. Здесь встречались два важных маршрута: на север, к Уэйко, и на юг, к Хьюстону. Пересадка давала пассажирам шанс познакомиться с городом, и не раз бывало, что кто-то оставался насовсем.

Ранчо Кинкейда внесло свою лепту в процветание Трентона. Его границы начинались милях в десяти от города (так сказать, на отшибе), и у Стюарта был прямой резон обращаться прямо к поставщикам. Но он предпочитал закупать товар и съестные припасы в городе – ради поддержки торговли. Его примеру следовали большинство землевладельцев, равно на ранчо и фермах, и даже хозяин лесопилки в целом дне пути от Трентона.

Городу были свойственны безукоризненная прямизна и ширина улиц, обилие тени от разросшихся деревьев, что прибыли сюда в виде тоненьких саженцев, и аккуратность, но, помимо этого, он мог предложить немного. Три гостиницы, четыре пансиона с полным столованием, два отдельных ресторана вдобавок к гостиничным, универсальный магазин, торговавший всем подряд: мебелью, обувью, оружием, упряжью и побрякушками, – и наконец, несколько лавок с готовым платьем. Городскую элиту составляли три доктора, два адвоката, дантист и торговцы покрупнее. Поразвлечься можно было в четырех салунах (два из них приличные, с танцами по выходным и праздникам), в местном театре и, если придет желание, в одном из борделей на окраине.

Для техасского городка Трентон был довольно тихим, в основном потому, что большую часть завсегдаев салунов и борделей составляли работники с ранчо Кинкейда, а он не терпел ни пьяных драк, ни ссор из-за женщин. Потасовки тут бывали разве что дружеские, на пари, и ковбои считали своим долгом время от времени заглядывать в церковь на воскресную службу.

Поскольку Запад оставался Западом, не обходилось без перестрелок со вновь прибывшими, но чаще всего шериф успевал вмешаться, так что обходилось без жертв. К большому сожалению старожилов, человек он был в годах и в самом скором времени собирался уйти в отставку.

Чад приготовился к тому, что его появление произведет в городе фурор – ссора в доме Кинкейдов и последующее исчезновение сына послужили пищей для упоенных пересудов. То, что Стюарт нанял сразу троих следопытов, почти гарантировало, что след в конце концов будет найден. То-то, должно быть, все ждут не дождутся подступить к нему с вопросами!

Однако жители не обратили на него внимания, поглощенные неожиданным въездом в город дилижанса столь крупной компании, как «Конкорд». Когда это

средство транспорта (много более вместительное, чем те, к которым здесь привыкли) остановилось перед гостиницей «Олбани», вокруг собралась толпа.

Лишь несколько минут спустя кто-то узнал Чада, и тогда отовсюду посыпались вопросы и подначки:

– Чад, неужто это ты?!

– Где пропадал?

– А отец уже знает?

– Говори скорей, где отсиживался!

– Твоя-то все глаза проплакала! Говорят, неделю выжимала платки, когда ты сбежал!

– Решил, значит, взяться за ум?

– Честным пирком да за свадебку?

– Когда тебя охомутают?

Чад молча спешил, оставил лошадь у коновязи перед гостиницей и, все так же не говоря ни слова, отворил дверцу дилижанса со стороны Аманды. Ее появление мгновенно утихомирило толпу – в точности как и ожидалось. Трентон не мог похвастаться такими красотками. На мгновение наступила полная тишина, а затем по толпе прокатился единодушный вздох.

До сих пор, покидая дилижанс на очередной остановке, Аманда начинала с жалоб. Ее трудно было винить: столь деликатная леди никак не могла привыкнуть к тяготам долгих путешествий. На этот раз, однако, она оставила жалобы при себе и, наоборот, одарила собравшихся улыбкой. Очень возможно, что эта улыбка заставила добрую половину ковбоев ощутить пресловутую любовь с первого взгляда.

Аманда выпорхнула из дилижанса. Чад ни на шаг не отставал, зная, что иначе его забросают вопросами. По крайней мере так он объяснил себе то, что повел Аманду в гостиницу под руку. Ничего общего с правом первенства – просто попытка избежать объяснений. На деле этот поступок был спровоцирован появлением Спенсера Эванса на пороге его салуна. Вот некстати! Проблем хватало и без очередной стычки с давним недругом.

Впрочем, недругами они стали не сразу. Одногодки, Чад и Спенсер знали друг друга всю жизнь и на короткое время сблизились настолько, что стали называться друзьями, – просто потому, что были еще слишком молоды и не могли осознать, до чего они разные и до чего по своей сути чужды друг другу.

Это был тот самый случай, когда дружба рушится из-за постоянного соперничества. Каждый хотел доказать, что он лучше, сильнее, быстрее и сообразительнее другого. Само по себе это естественно для мальчишек одного возраста – главное, чтобы это не заслоняло остального. Увы, так оно и случилось. Вскоре эти двое лезли из кожи вон, чтобы обставить друг друга в школе, на охоте и рыбалке, в стрельбе по мишеням, верховой езде и во всем остальном, в чем только возможно. Постепенно Спенсер начал сдавать позиции, и чем больше сдавал, тем чаще дело кончалось дракой. Драка стала для него более чем просто новым способом доказать свое превосходство – она стала воплощением соперничества, его конечной и абсолютной формой. В такие минуты трещала мебель, рвались книги и бились стекла. Наконец школьный попечительский совет перенес занятия в церковь в надежде, что это окажет умиротворяющее действие. Ничего не вышло – просто драки теперь проходили во дворе.

Бывает, что с возрастом желание быть во всем первым теряет остроту (ведь в конечном счете это издержки роста), бывшие соперники становятся настоящими друзьями и вместе посмеиваются над прошлыми эскападами, но только в том случае, если раньше на сцену не выступит интерес к противоположному полу.

Первой девушкой, а вернее, девочкой, на которую обратили внимание сразу и Чад, и Спенсер, была Уилма Джонс. Шесть драк после того, как однажды под покровом ночи Спенсер вырезал «Я люблю тебя, Уилма!» на каждой доске забора Джонсов, заставили эту семью покинуть город (разумеется, вместе с дочерью).

Вторым объектом яростного соперничества стала Агата Уинстон. Мальчишкам было тогда по шестнадцать лет, и драки их стали более серьезными. Однажды

Агата имела неосторожность вмешаться, и дело кончилось разбитым носом. Трудно сказать, чей кулак был виноват, но Чад сильно подозревал, что его. Теперь при виде любого из них Агата отворачивалась – до сих пор, хотя давно уже вышла замуж и стала матерью троих детей.

Но хуже всего вышло с Клэр Джонсон. Она была из тех, что созревают позднее других, поэтому позже удостаиваются мужского внимания. Еще в детстве Клэр любила возиться с отстающими и всерьез готовилась стать учительницей.

Чад увлекся этой тихой и кроткой девушкой через год после истории с Агатой. Надо сказать, это было его первое серьезное увлечение (к сожалению, и последнее). Он пригласил Клэр один раз на пикник, дважды на рыбалку и, наконец, на вечеринку по поводу завершения крыши на амбаре Уилксов. Танцы сменились долгой прогулкой под луной, причем Чад был уверен, что первым сорвал у Клэр поцелуй – так она была смущена. У него и в мыслях не было добиваться большего: за такими, как Клэр, долго ухаживают и в конце концов женятся.

Чад приложил все усилия, чтобы скрыть расцветающие отношения с Клэр от Спенсера. Он избегал мест и мероприятий, где тот любил появляться (вечеринки у амбара были не из их числа). Но усилия пропали даром, потому что Спенсер и без того втихомолку приударил за Клэр. Когда это выяснилось, было уже слишком поздно: Спенсер не признавал никаких правил там, где речь шла о том, чтобы обставить соперника. Он не только соблазнил Клэр, но и повсюду об этом раструбил, чтобы у Чада не осталось и тени сомнения. Его несколько не беспокоило, что он губит репутацию хорошей девушки, возможно даже, он наслаждался этим как свидетельством победы.

После этого драки превратились в побоища. Эти двое не могли пробыть и пяти минут в одном и том же помещении, чтобы не сделать попытки вытрясти друг из друга душу. Это продолжалось до тех пор, пока отец Спенсера, Том Эванс, сытый по горло как дурной славой сына, так и тем, какой урон это наносило его кошельку, отправил его заканчивать школу к родственникам на побережье.

Поначалу городок вздохнул с облегчением, но месяца через три начались жалобы на то, что жизнь чересчур пресна без такой пикантной приправы. Оставалось лишь с тоской вспоминать о постоянных стычках Чада и Спенсера.

Несколькими годами позже Том умер. Спенсеру пришлось вернуться, чтобы вступить во владение салуном. Городок затаил дыхание, полный надежд и опасений, но бывшие мальчишки возмужали и, поскольку салунов в Трентоне было теперь несколько, получили возможность избегать друг друга. Правда, если им все же случалось сталкиваться, не всегда дело кончалось мирно, однако теперешние потасовки не шли в счет по сравнению с прежними.

Клэр никуда не уехала из города. Пока был жив отец, жестянщик, она помогала ему в работе. Осиротев, она продала дело и пошла работать в салун Спенсера, где развлекала клиентов как певица и не только. После этого Чад окончательно презирал Спенсера.

Поскольку Аманда была в Трентоне лишь проездом, можно было надеяться, что обойдется без сцен. Кроме того, Спенсер не мог стать желанным гостем на ранчо Рыжей (та никогда не стала бы привечать беспринципного обольстителя), так что шансов у него было мало.

Глава 12

– Вы отпустили дилижанс? Наш личный дилижанс?

Чад сдвинул шляпу на затылок, как всегда в минуты замешательства, и начал мысленно считать до тридцати. Похоже, в этот день Аманда взялась всерьез испытывать его терпение. К счастью, терпения у него хватало.

Дамы, все втроем, стояли у дверей гостиницы. Мэриан делала вид, что рассматривает свои ногти, Элла Мей, по обыкновению, скучала, зато Аманда метала громы и молнии.

Чад только что вернулся с городской конюшни, где нанял трех лошадей с намерением продолжить путь верхом, причем добрых полчаса расспрашивал владельца, достаточно ли кротких и вышколенных животных тот ему выделил. Вообще говоря, следовало заранее предупредить дам, что в Трентоне Уилл повернет назад, но Чаду просто не пришло в голову, что с этим будут проблемы: в Техасе все и каждый, в том числе женщины и дети, умели ездить верхом.

– Это не был ваш личный дилижанс, мэм, – возразил он резонно. – Единственная причина, по которой он был снят с маршрута и предоставлен в ваше личное распоряжение, – мои горячие настояния. Это была вроде как компенсация от компании за то, что кучер бросил вас на произвол судьбы. Смотритель согласился только потому, что я пригрозил свернуть ему шею. К ранчо ведет не проезжая дорога, а проселочная, и дилижансу там не проехать. Кроме того, он уже далеко, так что и спорить не о чем.

– Нет, есть о чем, нет, есть о чем! Я не собираюсь ехать верхом! Придется вам нанять экипаж.

Что за ослиное упрямство, подумал Чад с оттенком досады. Надо быть в самом деле красоткой, чтобы мужчина смотрел на это сквозь пальцы.

– Я могу нанять только верховую лошадь или простой фургон для перевозки груза, – возразил он со вздохом. – Ничего другого здесь нельзя раздобыть. Трентон не так велик, и здесь трудно найти экипаж внаем. Здесь, если куда-нибудь нужно, ходят пешком или ездят верхом. Должен предупредить, что дорога к ранчо сильно петляет. Это удлиняет ее, поэтому с экипажем одну ночь пришлось бы провести под открытым небом. Лошади могут срезать путь.

– Фургон? – Аманда, не слушая, наморщила лоб. – Что ж, я согласна на фургон.

Разве он недостаточно подробно все объяснил? Разве не привел разумные доводы? Неужели она предпочитает трястись по проселочной дороге в товарном фургоне? Или это чистой воды упрямство? Некоторым женщинам свойственно стоять на своем любой ценой.

– Фургон я уже нанял – для ваших сундуков. Кучер вот-вот будет здесь. Он все не спеша погрузит, а к завтрашнему дню доставит.

– Значит, все в порядке! Я поеду с ним.

– Вы не понимаете, – начал Чад. – Это означает лишний день дороги, так что...

– Нет, это вы не понимаете! – перебила Аманда. – Я не поеду верхом ни сегодня, ни завтра, никогда! Это не для меня. Если вы не в состоянии предоставить более

удобный транспорт, я не поеду вообще.

– Вам не выиграть эту битву, мистер Кинкейд, – вмешалась Мэриан. – Она до смерти боится лошадей.

В ее голосе прозвучала откровенная насмешка, но, поскольку смотрела она куда-то в сторону, невозможно было определить, на кого эта насмешка направлена. Тем не менее Аманда повернулась к ней, сверкая сапфирами глаз:

– Ничего подобного! Просто я не желаю выносить неудобства езды верхом на потной и пыльной лошади!

– Фургон тоже не слишком удобен, – заметил Чад. – Он не предназначен для пассажирских перевозок, это всего-навсего крытая телега. Кстати, и сон под открытым небом не доставит вам удовольствия.

– А кто сказал, что я собираюсь спать под открытым небом? Мне бы это и в голову не пришло. Само собой, я буду спать в фургоне.

– Но фургон будет набит вашими сундуками!

– Придется их выгрузить, только и всего, – отрезала Аманда бескомпромиссным тоном.

– Для троих там места не хватит.

– Ну и что?

Чад с изумлением уставился на Аманду. До сих пор ему не приходилось сталкиваться с подобным эгоизмом – он вырос в мире, где все делилось поровну между членами семьи, где никто не пытался получить что-то (особенно немногочисленные удобства) в личное пользование. А как насчет старой девы? Она тоже потребует для себя отдельный фургон? А горничная?! Каждой по фургону для ночлега – виданное ли дело!

Внезапный смех Мэриан заставил Чада круто повернуться. Она смеялась над ним. Что ж, ничего странного. Его ошарашенный вид заставил бы и лошадь

разразиться громким фырканием. К тому же смех Мэриан был не только мелодичным, но и заразительным. Чад не смог рассмеяться так же заразительно, но значительно смягчился.

– Знаете, – сказала она, словно угадав мысли Чада, – лично я не прочь переночевать под открытым небом, да и проехаться на лошади будет занятно.

– Ты не умеешь ездить верхом, – буркнула Аманда.

– Ну, значит, научусь. В отличие от тебя я всегда рада новому опыту. Сдается мне, ехать верхом все же лучше, чем топтать пешком за твоим фургоном.

Это был намек на беспардонный эгоцентризм Аманды, но та и не подумала смутиться. Выражение непоколебимого упрямства лишь придавало ее хорошенькому личику пикантности.

Из-за угла донеслось тарахтенье, и пресловутый фургон явился зрителям во всей своей красе. Мэриан от смеха схватилась за бока.

– Боже милостивый! – едва выговорила она. – Мулы! Да я быстрее доберусь до ранчо ползком!

На этот раз Аманда все-таки смутилась, но смущение быстро уступило место негодованию. Хотя винить следовало только себя, она обрушила свой гнев на Чада:

– Что вы себе позволяете?! Глупая шутка! Не хватало только всю дорогу смотреть на коровьи хвосты!

– Можно подумать, я заставляю вас ехать в фургоне! Лошадь, которую я для вас нанял, во всех отношениях...

– ... лучше будет смотреться запряженной в фургон! Мне совершенно все равно, как вы это устроите, но если уж в этом захолустье не найдется экипажа, по крайней мере пусть этот дурацкий фургон тянут лошади!

Чад снова начал мысленный счет до тридцати, и тут появился Спенсер. Он разоделся, словно для воскресной службы, хотя с самого возвращения не появлялся в церкви. Его намерения были очевидны – сразить красивую гостью светским лоском, приобретенным в более цивилизованных местах, вместо знаний, за которыми он был послан.

– Дамы, счастливы приветствовать! – расшаркался он. – Я стал невольным свидетелем вашего маленького спора и считаю возможным предложить помощь. Мой экипаж к вашим услугам!

Обращался он к обеим сестрам, но смотрел только на Аманду. Судя по улыбке, которой она его одарила, его чары оказали действие. Спенсер Эванс никогда не страдал от недостатка женского внимания. Его открытая улыбка, немного мальчишеские манеры неизменно производили впечатление. Он был этакий обаяшка, зеленоглазый шатен, вполне уверенный в своих достоинствах благодаря солидному капиталу.

– Как мило! Можно узнать ваше имя?

– Спенсер Эванс, к вашим услугам.

– Надо же, а мне сказали, что в городе не найдется экипажа.

– Вас ввели в заблуждение.

– Так, значит, экипаж все же имеется? – уточнила Аманда.

– Новейшей модели, доставлен всего месяц назад, – подтвердил Спенсер самодовольно.

– И его можно нанять?

– Кто говорит о найме? Просто сделайте мне честь и воспользуйтесь им.

На этот раз Чаду пришлось считать до сотни. Хватит и того, что эти двое говорили о нем в третьем лице, словно его здесь и не было. Меньше всего хотелось затевать драку в присутствии Аманды, но обмен первой же парой

реplik со Спенсером неизбежно кончился бы плохо: одно дело – колкости Аманды, другое – гадости заклятого врага.

Те двое, однако, и не думали вовлекать его в разговор, занятые обсуждением подробностей. Трудно сказать, понимала ли Аманда, чего ради Спенсер так расщедрился, но Чаду все было яснее ясного. Этот пройдоха знал, что только так получит возможность околачиваться возле Аманды.

– Завтра я заеду за экипажем, и мы...

– Нет, не заедешь, – перебил Чад, не в силах больше сдерживаться. – Экипаж тебе вернут.

– Это совершенно излишне, – настаивал Спенсер. – Мне не только не трудно, но и приятно навестить Рыжую. Она чудесно готовит!

Итак, он успел разнюхать, куда и почему направляются сестры Лейтон. Как? Должно быть, каким-то образом встретился со стариной Уиллом и выпытал все, что может быть полезным. Чад был уверен, что Спенсер не упустит случая представиться дамам в первый же вечер, но тот, конечно, так долго наводил на себя лоск, что опоздал с визитом – утомленные дорогой, сестры быстро покончили с едой и удалились к себе. Тогда он взялся за Уилла.

Выезд отодвинулся на час, так как Чаду пришлось разжиться одеялами для ночлега и съестными припасами – всем тем, на что он не рассчитывал. Еще одно досадное обстоятельство обнаружилось, когда Спенсер прикатил в экипаже и выяснилось, что Аманда не умеет править. Какого же дьявола она так настаивала?

Подобная непригодность удивила даже Спенсера – настолько, что он не сразу догадался предложить свои услуги, а когда обрел дар речи, править уже вызвалась горничная. И слава Богу. Заикнись он об этом, Чад без долгих разговоров дал бы ему в челюсть. Терпение, которым он так гордился, все вышло (как, впрочем, и всегда при встрече со Спенсером Эвансом).

На ночлег расположились у пруда. Вода в нем была не слишком пригодной для питья, но пить ее и не требовалось – Чад прихватил с собой достаточно воды для общих нужд. Готовить он взялся сам, хотя на этой сомнительной чести настаивала Мэриан. Нет уж! Если она готовит, как Рыжая (а скорее всего это так, раз они родственницы), лучше уж питаться корешками! К тому же столь неуклюжему созданию следует держаться подальше от костра, чтобы ненароком не спалить все имущество.

Несмотря на жару, возмущение Чада мало-помалу остывало и к вечеру улеглось окончательно. Правда, следовать за прихотливыми изгибами дороги было досадной тратой времени, но что такое один день по сравнению с целой жизнью? Аманда заявила, что спать будет в экипаже, на двойном сиденье, где при своем небольшом росте могла разместиться с подогнутыми ногами. Новое сиденье, тугое и выпуклое, не слишком подходило для этой цели, но Чад промолчал из опасения, что придется на пару с кучером разгружать фургон, когда тот наконец соизволит подтянуться к лагерю.

На всякий случай он приготовился к тому, что скоро явится и Спенсер под предлогом заботы об удобстве дам (именно так поступил бы сам Чад), но потом вспомнилось, что Спенсер – истинный горожанин и никогда не поступится собственными удобствами. Скорее всего мысль о ночевке под открытым небом вызывала у него такое же отвращение, как и у Аманды. Не важно, что город невелик и находится в самом сердце Техасских равнин – это совсем не одно и то же, что вырасти на этих равнинах.

Припомнив, как Спенсер отозвался о стряпне Рыжей, Чад не удержался от смешка. Чудесно готовит, как же! Это еще вопрос, готовила она хоть когда-нибудь или они с мужем сразу наняли кухарку. Кухарка и теперь готовила не только простую и сытную еду для ковбоев, но и, что посложнее, для хозяйского стола. Рыжая и не думала это скрывать.

После ужина горничная молча принялась убирать «со стола». Чад с благодарностью принял ее помощь. Это была очень спокойная, тихая женщина с темными волосами, убранными в мягкий узел, не такой тугий, как у Мэриан, с зелеными глазами, в которых часто таилось насмешливое выражение. Она была несколькими годами старше сестер и относилась к своим обязанностям с должной серьезностью, но не привлекая к себе внимания. Мэриан разговаривала с ней как с подругой, и даже Аманда обращалась к ней более уважительно, чем

к кому бы то ни было. Иными словами, Элла Мей казалась членом семьи (чем-то вроде старшей сестры или кузины), но никак не прислужой – возможно, потому, что ей не требовалось отдавать распоряжений, она и без того делала все необходимое. Чад предположил, что она присматривает за сестрами с самого детства.

Еще более необычными были взаимоотношения Аманды и Мэриан. Они держались не как близкие, а как малознакомые люди: почти не разговаривали, а если и обращались друг к другу, то с колкостями. Возможно, где-то в начале пути они сильно поссорились и все еще таили друг на друга обиду. Это объясняло, отчего одна сестра всем недовольна, а другая так резка в обращении.

После ужина Аманда начала готовиться ко сну. Чад краем глаза наблюдал за тем, как она стелит в экипаже одеяло, а потом плещется у принесенного горничной ведра воды, смывая с лица и шеи дневную пыль. Оставшуюся воду она унесла за фургон для более интимных целей.

Вот так, украдкой наблюдая за ней целый день, Чад находил Аманду все более привлекательной. Он сознавал, что погружается в омут увлечения и что скоро дороги назад не будет, но он еще не потерял рассудок, прежде всего потому, что Аманда ничем его не поощряла. Все знаки ее внимания сводились к нескольким благодарным улыбкам, да и то довольно рассеянными.

Как же добиться ее расположения? Обычно бывали какие-то намеки, знаки: тон голоса, взгляд украдкой, томная поза и тому подобное. До сих пор Чаду не приходилось слишком долго гадать, пользуется он взаимностью или нет. Правда, на сей раз и он не подавал откровенных знаков внимания. Сначала следовало разобраться в собственных чувствах, а потом уже идти на приступ.

Когда Аманда скрылась за фургоном, взгляд Чада вернулся к костру, и обнаружилось, что он теперь наедине со старой девой. Пламя костра отражалось в круглых линзах ее очков – два миниатюрных огонька, в точности подобных оригиналу. Было нечто очень странное, даже слегка зловещее в том, что они пляшут с обеих сторон переносицы Мэриан, там, где полагается быть глазам.

Сегодня старая дева выглядела неважно, непонятно почему – в экипаже хватало места для двух пассажиров, и вопрос с длительной поездкой верхом отпал сам собой. Вспомнив о том, что, не имея представления о верховой езде, она все же готова была попробовать, Чад вынужден был отдать должное смелости Мэриан. Он даже подумал, не предложить ли ей урок-другой, когда они будут на ранчо, но живо вообразил, как это будет встречено, и оставил эту идею: ни к чему нарываться на лишние неприятности.

Только в силу привычки, приобретенной после многих ночных бдений при перегоне скота перекупщикам, Чад приготовил кофе. Не предполагая, что кто-то еще изъявит желание выпить его, он приготовил совсем немного, однако старая дева успела вылить себе в кружку по крайней мере половину. Кружка теперь подогревалась в горячей золе на краю кострища. У Чада не было ни малейшего желания начинать разговор, но, когда Мэриан потянулась за кружкой, промахнулась и обожгла руку, он не выдержал:

– Послушайте, что у вас за доктор? Выписал очки, в которых ни черта не видно! Советую обратиться к нашему, местному. Он свое дело знает.

– Что значит «ничего не видно»? – сразу ошетичилась она. – Я прекрасно вижу все, что нужно! Оставьте мое зрение в покое!

– «Виджу все, что нужно»! – передразнил Чад. – Да вы слепы как крот!

– А у вас злой язык!

– Кто бы говорил! Я и не думал вас обижать, просто констатировал факт.

– Нечего констатировать факты, о которых не имеете представления!

– Не имею, вот как? Тогда скажите, сколько здесь пальцев?

Он показал руку, выставив три пальца. Мэриан промолчала.

– Вот видите!

Она понурилась, словно принимая поражение, но вдруг с триумфом выпалила:

– Три!

– Сказано наудачу!

– Вижу, вы любите настаивать на своем, – заметила Мэриан более миролюбиво.

– И все же признайте, что ваши очки никуда не годятся. Когда вы в последний раз проверяли зрение? Судя по вашей неуклюжести, еще ребенком. В самом деле, съездить бы вам к доктору в Трентон.

Чад предложил это со всей искренностью и никак не ожидал, что Мэриан вспыхнет от досады. Очевидно, он по неведению наступил на больную мозоль.

– Мистер Кинкейд, еще раз прошу оставить мое зрение в покое, да и меня заодно, иначе она заметит и...

Мэриан прикусила губу и вспыхнула еще гуще, словно сболтнула лишнее. Чад, уже успевший устроиться на своем спальном мешке, приподнялся на локте. Происходило нечто занятное.

– «Она» – это кто?

– Не важно!

– Тогда вернемся к вашему зрению.

– Вы меня совсем не слушаете!

– Наоборот, слушаю очень внимательно. Вы только что сказали, что мне следует оставить вас в покое, но не уточнили, по какой причине. Если причина не слишком серьезная, не вижу, почему я должен подчиняться.

– Мистер Кинкейд, поверьте, это не тот вопрос, в который стоит совать свой нос!

Чад озадаченно приподнял бровь. Что это – искренняя заинтересованность или начало очередной словесной порки?

– Признаюсь, вам удалось меня по-настоящему заинтриговать.

– Тем хуже для вас.

Вот уж подлинно дар Божий – умение за пять минут разговора вывести человека из себя! Чтобы отвлечься, Чад пошевелил в костре головни и добавил несколько веток потолще, чтобы не сразу прогорели.

– Спасибо, – пробормотала старая дева, совершенно непонятно в связи с чем. Он на всякий случай решил уточнить:

– За что?

– За то, что не встаете и не уходите.

– То есть?

– Я не привыкла проводить ночь под открытым небом и совершенно продрогла, поэтому не могу, ну никак не могу отойти от костра. Мне необходимо согреться, иначе я так и буду мерзнуть всю ночь. Но вы-то человек бывалый, вы можете отодвинуться подальше и тем самым положить конец нашей «дружеской беседе».

– Отодвинуться подальше? Еще чего! Я люблю ночевать у костра и не собираюсь лишать себя элементарных удобств только потому, что меня не устраивает беседа. Что с вами такое? Сделайте одолжение, объясните хоть одним словом.

– Вы не поймете.

– Откуда вы знаете, вы же не пробовали. Или это слишком деликатный вопрос?

– Нисколько! – отрезала Мэриан чересчур поспешно. – Я просто не хочу, чтобы вы... – Она не закончила.

– Сел в галошу? Выставил себя в дураках? Опростоволосился? Ну, если так, мэм, благодаря вам все это уже случилось.

Чад злорадно отметил, как Мэриан в очередной раз залилась краской, хоть амбар крась. Именно этого он и добивался. Надо же хоть разок раздосадовать и ее! К тому же он надеялся, что это развяжет ей язык.

– Ну хорошо, хорошо! Наши посиделки рано или поздно привлекут внимание Аманды, и она себе бог знает что вообразит. Если ей хоть на миг придет в голову, что вы мне нравитесь – а ничего не может быть дальше от истины, – она поставит целью вас отбить и пустит в дело весь свой арсенал. Можете мне поверить, не ради вас самого, а ради того, чтобы вы не доставались никому другому, в частности мне.

Эта тирада сильно позабавила Чада. В жизни он не слышал таких нелепых обвинений и даже не сразу сообразил, что такого рода бессмыслица у Мэриан всегда наготове и что он сам не раз бывал предметом ее фантазий. У нее на редкость богатое воображение!

– Ясно, – сказал он весело. – Значит, если я хочу добиться расположения Аманды, нужно сделать вид, что добиваюсь вашего. Всего-то и дел!

С минуту Мэриан смотрела на него поверх костра так, словно хотела заглянуть в самую душу, потом со вздохом выпрямилась:

– Этот разговор – бессмысленное сотрясение воздуха. Ладно, мое дело предупредить, а дальше решайте сами.

– Так я и сделаю, – улыбнулся Чад.

Глава 14

– Пойдешь со мной, добровольно и без шума, чтобы не пришлось долбить тебя по голове...

Это было сказано хриплым шепотом. Удивительно, что она вообще расслышала, потому что обращались совсем не к ней.

Мэриан так и не сумела заснуть с тех пор, как сердито повернулась к Чаду спиной, ставя точку на разговоре. Более чем сердито – она была вне себя от ярости из-за того, как его порадовали ее откровения насчет Аманды. Он выглядел так, словно уже наутро собирался попробовать их на деле! Хотелось как следует пнуть его, чтобы очнулся, а вот разговаривать больше не хотелось.

Никогда.

Лежа рядом с Эллой Мей под фургоном, где они устроились на ночь, Мэриан бичевала себя за чересчур длинный язык. До сих пор ей удавалось держать мнение о сестре при себе – и наа тебе, выболтала. А все потому, что понадеялась на проницательность Чада. Его сдержанность с Амандой как будто говорила о том, что он разобрался в ней и сам.

В ночной тишине каждый звук раздавался особенно внятно, но, пока не раздался шепот, Мэриан не слышала ничего необычного. Кто бы это ни был, он пробрался в лагерь совсем бесшумно.

Осторожно повернувшись на бок, Мэриан разглядела незваного гостя, который в эту минуту склонялся над Чадом. В бледном свете луны он выглядел как гора и весил, должно быть, не меньше откормленного бычка-одногодка. В грубой кожаной одежде, с длинными нечесаными патлами, он производил впечатление человека, весьма далекого от благ цивилизации. От него так сильно несло козлом, что запах долетел даже под фургон.

Чад, конечно, сразу проснулся, хотя оставался в полной неподвижности, как человек, спящий сном праведника. Человек-гора осторожно подтолкнул его носком сапога.

– Эй, парень, ты глухой?

– Тебя почует и глухой – по смраду... – откликнулся Чад и, чуть помедлив, добавил: – Парень...

– Хе-хе, – донеслось до Мэриан. – Мы с тобой знакомы, парень, еще с тех пор, когда твой папаша нанимал меня для разной толковой работенки. Ты знаешь, что я не люблю суетиться без крайней нужды. Не дразни меня – и не обзаведешься лишней дыркой. Эти пять сотен мне пригодятся. Надоели здешние

зимы, хочу податься туда, где потеплее.

– Скатертью дорога! Главное, заberi с собой эту вонь.

– Короче, я обещал папаше Стюарту, что еще до завтрашнего утра верну ему сына. Ты знаешь, парень, что я – человек слова. Работа такая! На кого можно положиться, тот и нарасхват.

– Не пойму, зачем все это. Раз уж я теперь здесь, отец сам может меня навестить. Белым днем.

– А может, ему неохота, – буркнул человек-гора. – Самолюбие заедает. Вот если бы он сбежал из твоего дома, тогда бы ты ставил условия.

– Тебя все это не касается, Лерой, – произнес Чад, не скрывая отвращения.

– Касается, раз мне платят за то, чтобы опять вас свести. А теперь поднимайся, парень, и давай двигать отсюда.

– Я бы не возражал, но не могу бросить своих спутниц на произвол судьбы, а взять их с собой не могу и подавно, потому что мы почти у цели. Прогулка до отцовского ранчо сильно удлинит нам путь. Отправляйся к нему и скажи, что я загляну как-нибудь на неделе.

– Это не добавит пяти сотен к моим скудным средствам, парень.

– Зато так ты не обзаведешься лишней дыркой... парень!

Раздался щелчок взводимого курка, поразительно четкий в наступившем безмолвии. Чад одним движением оказался на ногах. Судя по ехидному «хе-хе!», это не произвело должного впечатления.

– Между прочим, – небрежно заметил человек-гора, – папаша Стюарт даже не заикался насчет того, что я должен доставить ему сына в целости и сохранности. В меня стреляли и раньше, парень. Шести пуль маловато, чтобы меня завалить. Я еще сто раз успею свернуть тебе шею. Лучше будь умницей и составь мне компанию в дороге.

К тому времени Мэриан уже подкрадывалась к этим двоим. По мере спора голоса набирали силу и, хотя все еще оставались на уровне громкого шепота, вполне заглушали шорох ее шагов по траве. В руках она держала толстый обломок ветки из числа тех, что Чад заготовил для утреннего костра, хотя и не знала, как сумеет обрушить его на голову такого высоченного противника.

Как вообще сумеет ударить. Хотя ссоры с Амандой с детских лет бывали яростными, ни разу сестрам не приходилось драться – это не для хорошо воспитанных девочек. Мэриан не умела ни вцепиться в волосы, ни оцарапать, ни даже как следует ущипнуть. Тем не менее нужно было что-то делать, как-то помочь Чаду выпутаться.

По мере приближения к спорящим ладони у Мэриан взмокли от волнения. Она не решилась вытереть их об одежду и только обеими руками вскинула свою боевую дубинку на плечо, чтоб ненароком не выскользнула.

Оставалось всего несколько шагов, когда под босой ногой громко треснула сухая веточка. Мужчины разом повернулись, и на Мэриан, заставив окаменеть от страха, уставилось два ствола.

Лерой расхохотался. Понятное дело – времени на то, чтобы привести себя в пристойный вид, у нее не нашлось. Мэриан стояла с занесенной веткой, белея кружевами нижнего белья, нелепая и трогательная. Человек-гора хохотал и хохотал до слез, которые скатывались в кустистую бороду.

– Ой, не могу! – приговаривал он. – Это ж надо такое выдумать! Ты принесла мне зубочистку, девчушка?

Глава 15

Зачем ей понадобилось вмешиваться? Что бы ни происходило между этими двумя, к ней оно не имеет ни малейшего отношения. К тому же Чад превосходно выпутывается из любых передраг. Скажите, какая амазонка-воительница! Единственное, чего она добилась, – это насмешек от вонючего дикаря. Непонятно, откуда Лерой вообще знает про зубочистки. Можно поспорить на что

удовно, что он от рождения не чистил зубов. Правда, если и чистил, то как раз тем, что она сейчас держит на плече. Но речь не об этом, а о том, что ему до слез смешны ее воинственные намерения.

Возмущенная столь откровенной недооценкой, Мэриан замахнулась веткой. Лерой ее без труда перехватил и вырвал из рук. Все еще смеясь, он бросил ветку в кострище. И вот тут неожиданно выяснилось, что кое-какой толк от ее затеи все же есть.

Чад воспользовался безудержным весельем Лероя, чтобы нанести ему удар по затылку. Захлебнувшись смехом, человек-гора рухнул ничком и по крайней мере на какое-то время выбыл из игры. Не тратя времени даром, Чад связал ему руки и ноги. В таком состоянии Лерой больше не казался не только страшным, но и вообще опасным. В его грубо скроенном кожаном облачении оказался целый арсенал. Чад изъясил все, что нашел, и побросал в кучу у костра.

Мэриан по-прежнему стояла на том же месте, хотя в ее присутствии уже не было никакой надобности. Хотелось узнать, чего ради Лерой явился в лагерь, но ее это не касалось, поэтому вопрос так и остался незадаанным. Вспомнив наконец, что она так и стоит в одном белье, Мэриан начала потихоньку отступать к фургону.

– Постой, Аманда!

Оклик пригвоздил ее к месту еще более основательно, чем недавно хруст веточки под ногой. Почему Аманда? Ну правильно, она же без очков и с распущенными волосами. Какая неосторожность! Теперь Чад припишет всю заслугу Аманде, которая отродясь ничего не делала ради других, тем более не рисковала.

– Вот уж не думал, что ты такая храбрая!

Чад приблизился и взял Мэриан за плечи. От неожиданности она не стала вырываться. Он был так близко, что в голову полезли неуместные мысли. Надо было уйти сразу, как только все кончилось. А теперь он совсем рядом, полуодетый, как и она, с растрепанными со сна волосами. От него пахнет мужчиной – восхитительная смесь запахов кожи, волос, пота, что блестит у него на груди после стычки с Лероем...

Если бы только он не принимал ее за Аманду!

Надо бы исправить ошибку... но нет, выйдет еще глупее. Пусть думает что хочет. Ничего страшного в этом нет. Даже лучше, что он так и не понял, до чего они с сестрой похожи. Если поймет, жди беды. Пусть остается в неведении как можно дольше. Странно все же, что можно так долго заблуждаться. С другой стороны, зачем ему правда? Его глаза видят только Аманду.

Вот так, почти в его объятиях, и самой не хочется добиваться правды, потому что правда может заставить его разжать руки.

– Знаешь, а ведь ты мне здорово помогла, – сказал Чад, приподнимая лицо Мэриан за подбородок. – Иначе... кто его знает.

Смущенная словами благодарности, Мэриан опустила взгляд.

– Кто он? – спросила она чуть погодя.

– Охотник. – Чад усмехнулся. – Вечно в погоне – за дикими быками, индейскими скальпами, щедрым вознаграждением и тому подобным. В прежнее время ему было вольготно на Диком Западе, но теперь наши края чересчур цивилизованны. Работа вроде теперешней подворачивается нечасто.

– Вы в самом деле знакомы?

– Скорее кое-что знаем друг о друге. Время от времени Лерой навещается к отцу на ранчо узнать, нет ли работы, на которой не нужно пачкать сапоги в навозе.

– Вижу, на этот раз ему повезло. Значит, чтобы залучить тебя в гости, отец вынужден нанимать людей вроде Лероя?

Вопрос заставил Чада улыбнуться. Его улыбка была совсем иной, чем усмешка, – мягкой и открытой. Лучше бы он не улыбался!

– Это трудно объяснить, – сказал он тихо тоном, который заставил Мэриан подумать о поцелуях.

Он собрался поцеловать ее! Надо бежать, бежать со всех ног, потому что в мыслях у него Аманда и именно Аманду он хочет поцеловать. Вот только ноги не желают подчиняться. В глубине души она хочет поцелуя, пусть даже предназначенного другой.

Такое случается не каждый день. И хотя она по собственной воле оставила свою жизнь пылиться в углу на полке до тех пор, пока сестра не устроит свою, порой возникает ужасное чувство пустоты и ощущение, что до счастья целая вечность. Что за радость выйти замуж когда-нибудь, позже, быть может, много лет спустя, если она уже теперь готова к этому и нужен только мужчина, которого она назовет своим! Сколько можно уступать? Почему хоть раз, хоть на минуту не подумать о себе? Да, это обман – ну и что же? Один-единственный раз поддаться искушению, придержать язык и получить то, что адресовано Аманде. А каяться можно будет потом.

Оно того стоит!

Это была последняя связная мысль, а потом губы прижались к губам, и земля ушла из-под ног. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Мэриан прижалась к Чаду, ощущая его каждой клеточкой своего тела, – ей не верилось, что такое возможно, она была в смятении.

Она не знала, сколько прошло времени. Вся во власти новых могучих ощущений, Мэриан потеряла счет минутам. Казалось, поцелуй длится и длится вместе с ночью и ей предстоит встретить рассвет все еще в объятиях Чада. Но скорее всего прошло лишь несколько мгновений до той поры, когда он отстранился. Не похоже было, что он потрясен так же, как она: она могла лишь молча смотреть, а он с улыбкой погладил ее по щеке и сказал:

– А теперь пора спать. Завтра мы все обсудим.

Это заставило Мэриан опомниться.

– Нет, нет! Обсуждать тут нечего! Ничего не случилось... то есть случилось, конечно, но не должно было и... и не будем об этом вспоминать. Никогда!

Должно быть, Чад воспринял это как неожиданную вспышку девичьей застенчивости, потому что улыбка его стала ласково-снисходительной.

– Как скажешь, милая. Довольно и того, что мы оба знаем.

С этим он вернулся к костру, к своей походной постели, и склонился над ней, что-то поправляя. Мэриан воспользовалась этим, чтобы нырнуть под фургон, где ее встретил пристальный взгляд Эллы Мей. Судя по всему, та стала свидетелем случившегося. Дождавшись, пока Мэриан уляжется, она приподнялась на локте:

– Ты соображаешь, что делаешь?

Мэриан сочла за лучшее промолчать.

– Не слишком разумная затея.

– Знаю, – вздохнула она.

– Не понимаю, почему бы не сказать ему правду. Ты ведь хочешь, чтобы он был твоим?

Элла Мей никогда не ходила вокруг да около и не изъяснялась намеками, как то принято среди настоящих леди. Она выросла в ином кругу. Ее родители были люди простые, хотя и зажиточные. Узнав, что незамужняя дочь беременна, они выставили ее за дверь. Тяжелое потрясение кончилось для Эллы Мей выкидышем, и, хотя с тех пор прошло довольно много лет, она все еще оплакивала потерю и не желала вспоминать о родителях.

Старательная и работающая, она стала идеальной горничной и могла не беспокоиться о том, чтобы сохранить за собой место. Теперь это была женщина с чувством собственного достоинства, очевидного даже для такой эгоистки, как Аманда. Ни разу та не решилась обрушить на Эллу Мей свой мелочный гнев, зная, что она может в любую минуту взять расчет, а ведь непросто найти горничную, способную содержать гардероб в идеальном порядке.

Для Мэриан, никогда не имевшей подруг, Элла Мей отчасти их заменяла, хотя порой ее прямота граничила с грубостью. Это был один из таких моментов, а

между тем, даже будь у нее настоящая подруга, Мэриан предпочла бы оставить чувства к Чаду при себе.

– Так ты хочешь заполучить его?

Отпираться не было смысла. Элла Мей никогда не бывала настолько поглощена собой, как Аманда, и от нее, конечно же, не укрылись нежные взгляды в сторону Чада. Можно делать вид, что не замечаешь вопросительно приподнятой брови, но не ответить на столь настойчивые расспросы просто невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/moy-muzhchina>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)